Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.П. Лопухин

Идея Промысла Божия в истории, преимущественно по воззрению блаженного Августина и Боссюэта

Опубликовано:
Христианское чтение. 1892. № 3-4. С. 214-298.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru), 2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

Идея Промысла Божія въ исторіи

(преимущественно по воззрѣнію бл. Августина и Боссюэта).

Рѣчь, читанная на торжественномъ актѣ С.-Петербургской Духовной Академіи 24 февраля 1892 года.

Исполняя данное мнѣ совѣтомъ академіи почетное порученіе составить и произнесть предъ ея высокопросвѣщенными гостями въ день ея торжественнаго акта рѣчь, я перебралъ въ своей головѣ цѣлый рядъ предметовъ, которые могли бы послужить темой для этой рѣчи, и наконецъ остановился на предметѣ, который, по моему мнѣнію, болѣе всего нуждается, если не въ новомъ изслѣдованіи (да для него конечно и не могутъ считаться достаточными рамки торжественной рѣчи предъ смѣшаннымъ собраніемъ), то по крайней мѣрѣ въ новомъ освѣженіи его въ сознаніи. Это именно вопросъ о Промыслѣ Божіемъ въ исторіи. Вопросъ этотъ много разъ разработывался въ исторической наукѣ и имѣетъ цѣлую литературу, въ которой значатся многія знаменитыя имена, служащія центрами цѣлыхъ историческихъ школъ, такъ что задаваться цѣлію сказать что-либо новое по этому предмету значило бы предпринимать слишкомъ рискованное дѣло, и оно нисколько не входитъ въ мою задачу; но я полагаю, что освѣжить этотъ вопросъ въ сознаніи въ настоящее время болѣе необходимо и полезно, чѣмъ когда либо. Эта задача вызывается самою насущною потребностью времени. Всѣ, у кого только сохранилась достаточная чуткость въ наблюденіи знаменій времени, способность подслушивать таинственное біеніе пульса исторической жизни человѣчества, не могутъ не при-

знать, что къ концу доживаемаго нами вѣка начинаетъ совершаться глубокознаменательный и высокоинтересный процессъ, долженствующій очевидно выработать то, что должно сдѣлаться отличительной чертой этого вѣка въ отличіе отъ всѣхъ другихъ. Въ литературѣ уже не разъ дѣлалась попытка отыскать эту отличительную черту нашего вѣка и перебрано не мало кличекъ, которыя однако-же оказались или недостаточно мѣткими, или недостаточно полными. И эта неудача объясняется просто тѣмъ, что нашъ вѣкъ слишкомъ сложенъ въ своемъ теченіи, слишкомъ много разнообразныхъ наслоеній представляетъ собою, чтобы можно было подвести ихъ подъ одно всеобъемлющее начало. Въ самомъ дѣлѣ, едва ли есть такое міросозерцаніе, которое такъ или иначе не выдвигалось бы въ теченіе доживаемаго вѣка и не выступало съ гордой претензіей сказать послѣднее слово въ отвѣтъ на роковой вопросъ о смыслѣ и цѣли бытія. Начавшись мистическимъ піетизмомъ, составлявшимъ сильную реакцію противъ прошловѣковаго раціонализма, онъ перешелъ къ идеализму, который въ лицѣ Гегеля хотѣлъ все бытіе низвесть на чистую идею, изглаживая всякую противоположность между идеей и дѣйствительностью, духомъ и матеріей, Творцомъ и твореніемъ. Но этотъ всепоглощающій идеализмъ скоро оказался слишкомъ не соотвѣтствующимъ реальнымъ запросамъ мысли и жизни и потому долженъ былъ уступить мѣсто иному міросозерцанію, которое, можно сказать, болѣе всѣхъ другихъ наложило свою печать на физіономію нашего вѣка, именно матеріалистическому. Было время, когда матеріализмъ грозилъ сдѣлаться основнымъ символомъ вѣры цивилизованнаго міра и, найдя себѣ временнаго союзника въ естествознаніи, получившемъ въ нашъ вѣкъ небывалое развитіе, рѣшительно выступалъ въ качествѣ послѣдняго выразителя всѣхъ чаяній человѣческаго духа. Потворствуя чувственной сторонѣ человѣческой природы и будучи доступенъ самому непосредственному мышленію, матеріализмъ широкой волной пробѣжалъ по духовной жизни Европы, захватывая и такія области ея, которыя обыкновенно стоятъ въ сторонѣ отъ умственныхъ движеній, — въ простыя, народныя массы. Подъ его именно вліяніемъ въ народныхъ массахъ новѣйшаго времени болѣе всего по-

дорваны были высшія идеальныя стремленія и въ жизни водворилось господство самыхъ грубыхъ интересовъ, заставлявшее всѣхъ лучшихъ людей серьезно опасаться за будущее. Это господство матеріализма продолжается и доселѣ, хотя уже скорѣе въ его практическихъ результатахъ, чѣмъ въ теоріи. Какъ теорія онъ весьма замѣтно начинаетъ терять свое обаяніе и все болѣе обнаруживаетъ свою несостоятельность въ удовлетвореніи высшихъ запросовъ разума и жизни. Еще такъ недавно подъ его вліяніемъ отрицалось все таинственное и сверхъестественное, что даже становится невѣроятнымъ, до какой степени теперь вездѣ замѣчается жажда таинственности. Современный культурный человѣкъ съ какою-то болѣзненною чуткостью прислушивается къ страннымъ голосамъ въ мрачныхъ сеансахъ спиритизма, благоговѣйно внимаетъ таинственнымъ постукиваніямъ и движеніямъ бездушнаго стола, увлекается загадочнымъ фокусомъ отгадыванія чужихъ мыслей, и даже люди положительной науки не прочь вѣрить въ возможность невѣдомаго четвертаго измѣренія [1]). Не удовлетворяя запросовъ разума, матеріализмъ затѣмъ пересталъ удовлетворять и запросы жизни. Чувственная сторона человѣка оказалась не единственною, которая нуждается въ удовлетвореніи. Даже при полномъ удовлетвореніи всѣхъ потребностей этой чувственной стороны оказалось, что въ человѣкѣ есть еще существо, которое тѣмъ болѣе голодаетъ, чѣмъ болѣе утучняется тѣло, и такъ какъ сразу признать права этого внутренняго существа было бы слишкомъ крутымъ переходомъ отъ полнаго его отрицанія, то по необходимости пришлось пережить еще одну стадію, которая также накладываетъ свой особый отпечатокъ на туже испещренную уже физіономію нашего вѣка. Эта стадія есть пессимизмъ, который даже какъ теорія получилъ въ послѣднее время весьма широкое распространеніе и глашатаи котораго—Шопенгауэръ и Гартманъ—самые популярные философы нашего времени. Если бы пессимизмъ въ состояніи былъ удержать за собою господство надъ умами нашего времени, то это было

---

[1]) Ср. наше публичное чтеніе: «Заокеанскій западъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи», чтеніе первое, стр. 1.

бы самымъ яркимъ доказательствомъ полной несостоятельности тѣхъ началъ, которыми жилъ нашъ вѣкъ,—это было бы самое печальное банкротство—на подобіе того, которое уже не разъ повторялось въ исторіи, и именно въ концѣ крупныхъ историческихъ эпохъ, приходившихъ послѣ блестящаго разцвѣта культуры къ безотрадному сознанію полной несостоятельности самыхъ основъ ея. Но это очевидная невозможность, и пока человѣчество окончательно не истощило своихъ жизненныхъ силъ, оно никогда не можетъ удовлетвориться пессимизмомъ, какъ всеобъемлющимъ міросозерцаніемъ, и самое широкое распространеніе его послужитъ лишь переходной ступенью къ другому, болѣе отрадному міросозерцанію, которое въ состояніи удовлетворить никогда не умирающія въ человѣкѣ высшія духовнонравственныя потребности и чаянія. И едва ли можно отрицать, что поворотъ въ этомъ отношеніи уже явственно совершается; прежніе кумиры, еще недавно пользовавшіеся почти всеобщимъ поклоненіемъ, низвергаются, представители матеріализма и пессимизма отодвигаются на задній планъ, а на мѣсто ихъ выдвигаются представители другого, религіознонравственнаго міросозерцанія, произведенія которыхъ пользуются чрезвычайно широкою распространенностью. Достаточно въ этомъ отношеніи указать на знаменитыя въ своемъ родѣ сочиненія и бесѣды Друммонда [1]), которыя облетѣли весь міръ и, по моему мнѣнію, составляютъ поразительное доказательство того, насколько назрѣла въ современномъ культурномъ человѣчествѣ потребность освободиться отъ ига грубаго матеріализма и пессимизма и найти удовлетвореніе своей жаждущей душѣ въ началахъ иного, болѣе возвышеннаго міросозерцанія. Вмѣстѣ съ поворотомъ въ принципѣ явно замѣ-

[1]) Мы разумѣемъ его Supernatural law in the natural world, разошедшееся въ безчисленныхъ изданіяхъ на многихъ языкахъ (нѣсколько статей изъ него было напечатано нами въ журналѣ Странникъ за 1889 годъ подъ заглавіемъ: «Единство законовъ бытія»), а также и его бесѣды на разныя религіознонравственныя темы (The Greatest thing in the world, Pax vobiscum и др.), разошедшіяся также въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ на разныхъ европейскихъ языкахъ (вышли и на русскомъ, Москва. 1892 г.).

чается поворотъ и въ частностяхъ. Если еще недавно подъ вліяніемъ извѣстной теоріи человѣкъ съ какимъ-то злорадствомъ развѣнчивалъ себя въ качествѣ высшаго представителя духовной жизни на землѣ и низводилъ на одинъ уровень со всѣмъ остальнымъ животнымъ міромъ и главнымъ образомъ со своими ближайшими предками—изъ породы четверорукихъ, то теперь замѣчается какъ разъ обратное движеніе: развѣнчанный человѣкъ вновь возстановляется въ свои права и вновь выдвигаются на первый планъ тѣ великіе представители человѣчества, въ которыхъ выразилась съ наибольшею силою идея богоподобія человѣка. И это стремленіе съ особенною силою сказывается въ томъ поразительномъ фактѣ, что въ переживаемое нами время пробудилась особенная жажда къ ближайшему изученію Того, Который былъ и есть совершенный Богъ и совершенный человѣкъ, чѣмъ и можно объяснить тотъ небывалый успѣхъ, которымъ пользуются въ наше время жизнеописанія Христа [1]).

Но эти симптомы составляютъ лишь начало благотворной реакціи, и для полнаго возстановленія нормальной жизни остается сдѣлать еще весьма много. Подъ вліяніемъ пережитой смѣны нѣсколькихъ разнородныхъ міровоззрѣній въ человѣкѣ нашего вѣка остался цѣлый рядъ осадковъ, которые подорвали цѣльность его существа, произвели въ немъ крайній разладъ и затемнили въ его сознаніи самыя простыя истины. Отсюда стали возможными такія странныя явленія, что въ лицахъ, которыя можно считать типическими представителями нашего вѣка, даже при добромъ желаніи ихъ осмыслить для себя и для другихъ жизнь человѣчества, обнаруживается какое-то чудовищное недомысліе въ пониманіи самыхъ основныхъ истинъ, которыя дотолѣ считались не выходящими за предѣлы элементарнаго катихизическаго знанія [2]). И нужно сказать, что

---

[1]) Между многими другими жизнеописаніями Христа особенно широкое распространеніе получили извѣстныя сочиненія Фаррара «Жизнь Іисуса Христа», Дидона, «Іисусъ Христосъ», переведенныя почти на всѣ европейскіе языки и въ томъ числѣ и на русскій.

[2]) Мы разумѣемъ религіозно-философскія сочиненія графа Л. Толстаго: «Въ чемъ моя вѣра», «Крейцерова соната» и др.

этотъ разладъ присущъ не отдѣльнымъ только лицамъ, а и всему современному культурному человѣчеству. Оно все проникнуто такими странными противорѣчіями, которыя ясно показываютъ, насколько потрясены въ немъ самыя основы разумнаго, логически стройнаго воззрѣнія на міръ и его жизнь. Въ самомъ дѣлѣ, достаточно отмѣтить нѣсколько самыхъ осязательныхъ фактовъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Несомнѣнно высшимъ предметомъ честолюбія нашего вѣка было стремленіе обосновать на чисто естественныхъ началахъ гуманизмъ или человѣчность съ ея лучшими проявленіями, и въ умахъ передовыхъ глашатаевъ этого естественнаго гуманизма уже ясно рисовался идеалъ вѣчнаго мира между людьми и цѣлыми народами, такъ что извѣстный историкъ цивилизаціи въ Англіи (Бокль) съ этой точки зрѣнія могъ смѣло объявлять бывшую при немъ (крымскую) войну послѣднимъ остаткомъ отживавшаго варварства. И однакоже въ странномъ противорѣчіи съ этимъ идеаломъ стоитъ тотъ несомнѣнный фактъ, что едва-ли еще въ какомъ вѣкѣ проливалось столько человѣческой крови и погибало отъ насильственныхъ переворотовъ столько человѣческихъ жизней, какъ именно въ нашъ вѣкъ, и вмѣсто того, чтобы при помощи этихъ началъ водворить миръ на землѣ и благоволеніе въ человѣкахъ, нашъ культурный вѣкъ закончилъ водвореніемъ страшнаго милитаризма, который поглощаетъ лучшія силы народовъ и призываетъ на служеніе себѣ высшую изобрѣтательность съ цѣлію усиленія и безъ того адской разрушительности своего оружія. Для соціально-экономической жизни культурный прогрессъ, при помощи множества чрезвычайно важныхъ открытій, давшихъ возможность пользоваться такими великими силами, какъ паръ и электричество, могъ обѣщать осуществленіе небывалаго благосостоянія и освобожденія народныхъ массъ отъ тяжкаго, непосильнаго труда; а въ дѣйствительности этотъ прогрессъ привелъ лишь къ еще большей противоположности между высшими и низшими классами въ народахъ и содѣйствовалъ лишь тому, что блага культуры сосредоточиваются все въ болѣе ограниченномъ кругѣ, за предѣлами котораго все болѣе усиливается нужда, доходящая въ главнѣйшихъ центрахъ цивилизаціи до ужасающей бѣдственности, предъ которой невольно

останавливаешься въ крайнемъ недоумѣніи, а питаемая этою бѣдственностью демократія смѣло дѣлаетъ вызовъ самой цивилизаціи, отрицая ее какъ несостоятельную въ самой своей основѣ. Уровень общаго образованія въ нашъ вѣкъ поднялся весьма высоко и современный культурный человѣкъ обладаетъ массой такихъ знаній, о которыхъ и не подозрѣвали наши еще не особенно далекіе предшественники; а между тѣмъ рядомъ съ этимъ высокимъ просвѣщеніемъ уживается самое вопіющее нравственное убожество и въ нравственнообщественной жизни постоянно проявляется такое одичаніе, котораго трудно было бы и предполагать, если бы его не подтверждала наличная дѣйствительность. Наконецъ, чтобы не удлинять этой параллели противорѣчій, укажемъ еще на то, что удобства жизни, благодаря успѣхамъ цивилизаціи, несомнѣнно чрезвычайно увеличились и современный человѣкъ имѣетъ возможность пользоваться множествомъ самыхъ изысканныхъ наслажденій; и однакоже въ разительномъ противорѣчіи съ этимъ выступаетъ тотъ фактъ, что истинная жизнерадостность нисколько не возвысилась, а напротивъ ослабѣла, и съ каждымъ годомъ все болѣе возростающее количество самоубійствъ ясно показываетъ, что всѣ успѣхи цивилизаціи не только не могли превратить землю изъ юдоли плача въ рай сладости, а напротивъ еще болѣе усилили скорбность земнаго бытія, количество труждающихся и обремененныхъ возросло до чудовищной степени, и всѣ они, отчаявшись въ возможности получить облегченіе себѣ отъ цивилизаціи и не имѣя уже въ себѣ достаточнаго дерзновенія для того, чтобы питать вѣру въ возможность высшаго избавленія, съ мрачнымъ отчаяніемъ воспринимаютъ страшную проповѣдь пессимизма, гласящаго, что небытіе лучше бытія и что самый міръ есть нѣчто такое, чего не должно бы быть совсѣмъ.

И вотъ въ виду такихъ и множества другихъ противорѣчій, выступающихъ тѣмъ сильнѣе и рѣзче, чѣмъ больше цивилизація стремилась сгладить ихъ, у массы современнаго человѣчества рѣшительно теряется нить разумнаго пониманія явленій наличной и исторической жизни, и въ виду явнаго несоотвѣтствія результатовъ съ стремленіями невольно зарождается вопросъ: не есть ли

весь этотъ калейдоскопъ противорѣчивыхъ явленій игра неразумныхъ случайностей? Не есть ли вся исторія человѣчества безконечный рядъ подобныхъ же случайностей, въ которыхъ отдѣльные люди и цѣлые народы, являясь на землѣ, мятутся на ней безъ всякаго смысла и цѣли, къ чему-то стремятся, никогда не достигая желаемаго, борятся, страдаютъ, напрягаютъ всѣ свои усилія создать что-то такое, что однако-же отъ какой нибудь глупой случайности сразу рушится, и сходятъ съ исторической сцены, оставляя по себѣ лишь смутныя воспоминанія?—Къ ряду отмѣченныхъ противорѣчій нашего вѣка несомнѣнно принадлежитъ и то, что не смотря на всѣ успѣхи научнаго знанія въ наше время, стремящагося всѣ явленія подвесть подъ общіе опредѣленные законы, въ массѣ современнаго человѣчества явно преобладаетъ взглядъ на исторію именно какъ на сцѣпленіе случайностей, и потому-то повсюду замѣчается крайняя растерянность предъ лицомъ тѣхъ или другихъ политическихъ или соціальныхъ явленій, которыя всѣхъ поражаютъ своею неожиданностью и какъ бы безпричинностью и приводятъ въ смущеніе даже тѣхъ, кто съ напускною научною серьезностью во всемъ хотятъ видѣть господство неумолимой необходимости, дѣйствующей по неизмѣннымъ общимъ законамъ [1]). Но такой взглядъ, ставящій историческую жизнь человѣчества подъ господство случайностей или же необходимости (которая, какъ не имѣющая предъ собою опредѣленной цѣли, есть такая же случайность, какъ и всякое безпричинное явленіе), дѣлающій изъ человѣка во всѣхъ формахъ его жизни игрушку какихъ-то слѣпыхъ безцѣльныхъ силъ, отнюдь не имѣетъ въ себѣ ничего такого, что вселяло бы въ человѣка вѣру въ возможность достиженія лучшаго будущаго, поддерживало бы въ немъ бодрость при перенесеніи всякихъ невзгодъ и бѣдствій, и напротивъ способно лишь отнимать всякую энергію и притуплять всякую нрав-

---

[1]) Опаснымъ распространеніемъ подобныхъ воззрѣній въ обществѣ въ Германіи вызвано между прочимъ появленіе сочиненія проф. Кнейзеля: Die Weltgeschichte ein Zufall? (Berlin 1891), въ которомъ выдвигается и доказывается идея разумной цѣлесообразности въ исторіи.

ственную самодѣятельность, водворяя полное равнодушіе къ счастью и несчастью, къ добру и ко злу. А такое настроеніе равносильно отрицанію всякаго прогресса, и если бы этому воззрѣнію удалось восторжествовать надъ всѣми другими, то этимъ произнесенъ былъ бы смертный приговоръ надъ всей новѣйшей цивилизаціей и надъ всей будущностью человѣчества. Но какъ въ отношеніи крайнихъ выводовъ пессимизма, такъ и въ отношеніи этого безотраднаго воззрѣнія на исторію нужно сказать, что оно находитъ себѣ непримиримаго противника въ нравственномъ самосознаніи человѣчества, инстинктивно чувствующаго, что его историческая жизнь не можетъ не заключать въ себѣ какого нибудь смысла, что она не есть игрушка случайностей или слѣпой необходимости, а напротивъ движется въ опредѣленномъ направленіи и стремится къ опредѣленной цѣли, которая при извѣстныхъ условіяхъ не можетъ быть недостижимою. И это сознаніе нашло себѣ дѣятельную поддержку въ томъ общемъ поворотѣ къ религіозному міросозерцанію, который отмѣченъ выше, и у многихъ начинаетъ все болѣе проясняться взглядъ на смыслъ историческихъ судебъ, или по крайней мѣрѣ является живая потребность уяснить ихъ себѣ съ высшей точки зрѣнія нравственнаго міроправленія,—единственной точки зрѣнія, которая способна удовлетворить человѣка, какъ нравственно-свободное, самосознающее, разумное существо [1]). И на насъ лежитъ священная обязанность по мѣрѣ своихъ силъ удовлетворять этой потребности, и если не самимъ выступать путеводителями общественной мысли (что было бы задачей слишкомъ великой и смѣлой), то по крайней мѣрѣ указывать на тѣ свѣточи, которые уже раньше разгоняли тьму человѣческаго недомыслія въ отношеніи

---

[1]) Доказательствомъ глубокой потребности, чувствуемой въ настоящее время въ уясненіи себѣ міровой жизни какъ нравственнаго міроправленія, можетъ служить большой успѣхъ такихъ сочиненій, какъ M c C o s h, Method of Divine government, которое вышло въ 1887 году 13-мъ изданіемъ. Такой же смыслъ имѣетъ и тотъ фактъ, что религіозное общество въ Гаагѣ назначило въ минувшемъ году премію за лучшее сочиненіе на тему о «Нравственномъ міроправленіи» съ цѣлію его научно-философскаго оправданія.

историческихъ судебъ міра, направляя мысль къ истинному разумѣнію ихъ и выводя своихъ современниковъ на путь яснаго пониманія величественнаго плана божественнаго домостроительства въ судьбахъ человѣчества.

Среди многихъ свѣточей, такъ или иначе озарявшихъ своимъ геніемъ планъ всемірно-историческаго движенія, выдаются особенно два, которые, выступая въ двѣ различныя, отдаленныя между собою эпохи, но такія, изъ которыхъ каждая въ своемъ родѣ имѣла значеніе поворотныхъ пунктовъ въ исторіи и потому способна была производить необычайное смущеніе въ умахъ,—съ геніальною проницательностью указали тѣ именно начала, при помощи которыхъ мысль только и можетъ уяснять себѣ сложный ходъ всемірной исторіи и въ самыхъ его повидимому случайныхъ, разрозненныхъ и противорѣчивыхъ явленіяхъ улавливать непрерывную нить стройнаго, цѣлесообразнаго развитія. Мы разумѣемъ бл. Августина и Боссюэта. Творенія этихъ знаменитыхъ мужей доселѣ составляютъ богатѣйшій источникъ христіанско-философской мысли и къ нимъ не разъ уже обращались многіе изъ новѣйшихъ мыслителей, чтобы почерпать въ нихъ озареніе для своей мысли въ періоды ея потемнѣнія и подкрѣпленіе для своего нравственнаго существа въ случаѣ его ослабленія подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій современности. И особенно благотворно изученіе ихъ въ такія времена какъ наше, когда все старое подверглось безпощадной критикѣ, а новаго еще ничего не создано и общественное сознаніе тщетно ищетъ болѣе или менѣе устойчивыхъ началъ. Сами эти великіе мужи жили какъ разъ въ подобныя же эпохи, и особенно бл. Августинъ, на глазахъ котораго совершилось страшное крушеніе всемірнаго могущества Рима,—крушеніе, которое произвело необычайное смятеніе въ народахъ, такъ какъ съ упадкомъ Рима падалъ весь древній міръ и нарождался при невообразимыхъ мукахъ міръ новый, еще ничего опредѣленнаго не обѣщавшій и только возбуждавшій смутныя опасенія и слабыя надежды. Только величайшій геній могъ разобраться въ смятеніяхъ такой эпохи, и такимъ геніемъ именно и явился бл. Августинъ, который въ своемъ великомъ твореніи „О градѣ Божіемъ“ далъ своимъ современникамъ

не только успокоительное разъясненіе пережитыхъ ими историческихъ переворотовъ, но и общія начала для разумѣнія путей домостроительства Божія въ исторіи [1]). Поэтому, нельзя не радоваться, что въ наше время опять пробудился живѣйшій интересъ къ изученію этого великаго представителя христіанской мысли, и не только на западѣ, но и у насъ, при чемъ этотъ интересъ не ограничивается узкими предѣлами ученыхъ кружковъ, а захватываетъ и широкіе круги вообще образованнаго общества, для котораго явились новые переводы твореній бл. Августина, сопровождаемые цѣлымъ рядомъ научныхъ и популярныхъ изслѣдованій и изложеній [2]). Что касается Боссюэта, то и онъ также стоялъ на глубоковаж-

---

[1]) Поводомъ къ составленію «De Civitate Dei» послужилъ разгромъ Рима Аларихомъ въ 410 г., и задачей бл. Августина было опровергнуть нареканія язычниковъ, что всѣми бѣдствіями, которыя приходилось испытывать Римской имперіи въ это время, она обязана-де была христіанамъ, изъ-за гнѣва на которыхъ боги, создавшіе величіе Рима, отняли у него свое покровительство. Вслѣдствіе этого твореніе имѣетъ по преимуществу апологетическій характеръ. Его XXII книги по частямъ являлись въ 413—426 годахъ. Въ изданіи Миня оно составляетъ XLI томъ Латинской патрологіи.

[2]) Изъ новыхъ переводовъ конечно на первомъ планѣ нужно поставить русскій переводъ, сдѣланный при кіевской духовной академіи, въ 4 выпускахъ съ 1880 по 1887 годъ. Къ сожалѣнію, этотъ переводъ оставляетъ желать весьма многаго какъ въ стилистическомъ, такъ и въ логическомъ отношеніи, и далеко не соотвѣтствуетъ важности знаменитаго труда, нуждавшагося въ переводѣ не только точномъ и изящномъ, но вмѣстѣ и ученомъ, съ необходимыми учеными примѣчаніями, чего совсѣмъ нѣтъ въ русскомъ переводѣ. Несравненно выше во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ новый англійскій переводъ д-ра Додса (въ 2 томахъ, Эдинбургъ 1888 года). Изъ многихъ изслѣдованій и статей можно указать въ русской литературѣ извѣстное сочиненіе проф. Красина «Твореніе бл. Августина De Civ. Dei какъ апологія христіанства въ его борьбѣ съ язычествомъ», Казань. 1873 г.; двѣ статьи іером. Григорія въ журналѣ «Вѣра и Разумъ» подъ заглавіемъ: «Сочиненіе бл. Августина о Градѣ Божіемъ, какъ опытъ христіанской философіи исторіи» (№№ 15 и 17 за 1891 г.) и нѣсколько статей князя Трубецкого въ журналѣ «Вопросы Философіи и Психологіи» (книга X, статья «Философія христіанской теократіи въ V вѣкѣ»); въ иностранной: Reinkens, Geschichtsphilosophie des h. Augustinus, 1860; G. Seyrich, Die Geshichtsphilosophie Augustins, Chemnitz 1891; лекція приватъ-доц. Лаухерта въ Deutscher Merkur, 1892 г. № 5 и слѣд.; рядъ статей Boissier въ Revue des Deux Mondes за 1890 годъ и др.

номъ рубежѣ, отдѣлявшемъ средневѣковый періодъ отъ новѣйшаго, когда также великій историческій переворотъ, совершенный протестантизмомъ, производилъ крайнее смятеніе въ умахъ и заставлялъ ихъ искать болѣе устойчивыхъ началъ въ исторіи. Эти начала и указалъ Боссюэтъ въ своемъ знаменитомъ „Разсужденіи о всемірной исторіи“ [1]), гдѣ онъ, имѣя для себя великаго руководителя въ бл. Августинѣ, сдѣлалъ блестящее примѣненіе тѣхъ же началъ къ потребностямъ своего времени,—тѣмъ самымъ показывая, что эти начала по своей сущности имѣютъ всеобщее значеніе, и какъ бы ни разнообразились времена, какіе бы ни наступали въ исторіи перевороты, мысль всегда можетъ находить въ этихъ началахъ достаточное для себя успокоеніе и удовлетвореніе предъ запросами удручающей своими превратностями дѣйствительности. И вотъ почему мы въ свою очередь обратились къ изученію этихъ двухъ великихъ представителей христіанской исторической мысли, и въ настоящей рѣчи предлагаемъ результаты этого изученія, хотя не столько по буквѣ, сколько по духу ихъ, въ силу извѣстнаго изреченія: буква убиваетъ, духъ животворитъ. Съ этой точки зрѣнія мы и попытаемся представить нѣсколько данныхъ, способныхъ уяснить ту схему, которою опредѣляется сущность историческаго процесса по воззрѣнію величайшихъ геніевъ христіанскаго историческаго міросозерцанія.

Міръ историческихъ явленій несравненно сложнѣе, а потому и интереснѣе, чѣмъ міръ явленій окружающей человѣка природы. Въ природѣ, не смотря на все разнообразіе ея явленій, все носитъ на себѣ печать извѣстной правильности и законосообразности, вносящей понятіе стройнаго механизма даже въ то, что на первый взглядъ можетъ показаться случайнымъ. Самая случайность здѣсь очевидно имѣетъ лишь условный, субъективный характеръ и означаетъ лишь то, что называемыя случайными явленія таковы лишь по тому, что при данномъ состояніи знанія мы не можемъ поды-

---

[1]) Мы имѣли предъ собою полное собраніе твореній Боссюэта париж. изд. Didot, 1858; Discours sur l'histoire universelle помѣщ. въ 1 томѣ.

скать для нихъ достаточной причины, существованіе которой однакоже допускается, какъ апріорное требованіе разума. Самыми неуловимыми, неподдающимися доселѣ никакимъ опредѣленнымъ схемамъ представляются напр. явленія метеорологическія,—и однако уже тотъ фактъ, что въ своей общей суммѣ они повторяются съ неизмѣнною правильностью, даетъ мысли возможность предполагать существованіе такихъ опредѣленныхъ законовъ, которымъ подчиняются и эти явленія [1]). Совершенно инымъ характеромъ отличаются явленія историческія. Здѣсь мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ явленій, которыя и по непосредственному сознанію, и по философскому воззрѣнію представляютъ собою нѣчто такое, что̀ качественно отлично отъ явленій природы и представляетъ собою совершенно особый міръ съ ему только присущими свойствами. Среди этихъ явленій на первомъ планѣ стоитъ личность, которая представляетъ собою высшую форму бытія и обладаетъ свойствомъ, рѣшительно отличающимъ ее отъ явленій природы и дѣлающимъ ее неподлежащею тѣмъ законамъ, которымъ подлежитъ все существующее. Это свойство есть свобода, которая придаетъ движеніямъ личности извѣстную независимость и случайность, вносящія неувѣренность во всѣ разсчеты касательно ея возможныхъ дѣйствій. Конечно каждая личность выходитъ изъ извѣстнаго народа, живетъ въ условіяхъ извѣстнаго времени; но именно то, что̀ дѣлаетъ ее личностью, именно ея индивидуальная самобытность не можетъ быть объяснена изъ этихъ общихъ условій и всегда въ своей сущности представляетъ собою нѣчто новое, самобытное. Каждая личность, воспользовавшись всѣмъ тѣмъ достояніемъ, которое принадлежитъ извѣстному народу, не ограничивается рабскимъ усвоеніемъ его, а перерабатываетъ его сообразно съ своими индивидуальными особенностями и создаетъ для себя особый міръ, въ которомъ она живетъ и движется и для котораго работаетъ, хотя бы онъ по своимъ цѣлямъ нѣсколько или даже весьма

---

[1]) Мысль Канта въ его «Идеѣ всемірной исторіи съ космополитической точки зрѣнія» 1874 г. См. Laurent, La Philosophie de l'Histoire, Paris. 1880, стр. 96.

рѣзко отступалъ отъ цѣлей всѣхъ остальныхъ, тѣмъ самымъ внося новый элементъ въ общую жизнь и не давая ей застояться въ одномъ и томъ же положеніи. Когда личность оказывается особенно одаренною этою самобытностью, то она съ своимъ самосозданнымъ міромъ и съ своими индивидуальными цѣлями вторгается въ самый ходъ всемірной исторіи и производитъ въ немъ перевороты. Великій геній, каковымъ терминомъ обозначается подобная личность, творчески воздѣйствуетъ на окружающую жизнь, подобно молніи падаетъ въ мертвую неподвижную массу другихъ, недостаточно развившихъ въ себѣ самодѣятельность личностей, и воспламеняетъ ее, воодушевляя къ достиженію поставленныхъ ею цѣлей. Тогда въ народахъ происходитъ необычайное движеніе, и совершаются величайшія событія, которыя безъ такого случайнаго воздѣйствія генія не совершились бы—по крайней мѣрѣ въ данный моментъ. Появленіе и дѣйствіе такихъ личностей случайнѣе — въ иномъ смыслѣ этого слова, чѣмъ напр. ударъ молніи въ сухое дерево и происходящій отсюда пожаръ, и существенное отличіе этихъ случаевъ между собою заключается въ томъ, что послѣдняя случайность всегда предполагаетъ за собою опредѣленный, необходимый законъ (хотя быть можетъ еще и не открытый, а только предполагаемый), между тѣмъ какъ первая сводится на саму личность съ ея сознаніемъ своего самоопредѣленія по существу и потому съ нею необходимо связывается совершенно чуждый естественнымъ дѣйствіямъ элементъ отвѣтственности за совершенное дѣяніе. Еще случайнѣе въ указанномъ смыслѣ, чѣмъ личность, оказывается отношеніе человѣка къ природѣ, которая хотя лежитъ внѣ его существа, однакоже оказываетъ на него чрезвычайно важное вліяніе. Извѣстный зародышъ ростетъ успѣшно или чахнетъ, развивается правильно или ненормально, полно или односторонне — смотря по обстоятельствамъ, при которыхъ ему пришлось развиваться. Также и на личность условія окружающей природы могутъ оказывать самое глубокое вліяніе, такъ что каждая личность такъ или иначе приспособляется къ этимъ условіямъ и можетъ оказаться неприспособленною къ условіямъ другой природы. Особенно большое значеніе въ этомъ отношеніи имѣютъ географическія условія въ ихъ

общемъ объемѣ, форма земной поверхности и распредѣленіе на ней народовъ, именно для ихъ взаимныхъ отношеній, для характера ихъ жизни и для всей ихъ судьбы, такъ что даже не безъ доли основанія явилось мнѣніе, что еще до появленія человѣческаго рода самой формой земной поверхности былъ предначертанъ весь ходъ его исторіи. Такимъ образомъ каждой личности, какъ самобытному явленію, случайно приходится встрѣчаться съ условіями, которыя такъ или иначе могутъ направлять ея развитіе независимо отъ внутренняго самоопредѣленія. Но еще большій просторъ подобныя случайности, какъ явленія, необъяснимыя никакими неизмѣнными законами, имѣютъ въ широкой области возможностей, непредвидѣнно осуществляющихся вслѣдствіе случайнаго совпаденія внѣшнихъ условій и обстоятельствъ съ цѣлями и дѣлами людей. Каждое изъ этихъ обстоятельствъ, взятое въ отдѣльности, можетъ имѣть совершенно достаточныя, доступныя познанію основанія; но случайность ихъ обнаруживается именно въ ихъ неожиданности, такъ что случись тоже обстоятельство въ другое время, оно не имѣло бы никакого значенія, произойдя же въ данный именно моментъ, оно производитъ громадныя послѣдствія. Въ самомъ дѣлѣ, смерть человѣка есть самое обычное и необходимое явленіе, и умри Александръ Великій 70 или 80 лѣтъ отъ роду, его смерть конечно была бы отмѣчена въ исторіи, но она вѣроятно не имѣла бы тѣхъ послѣдствій, которыя повлекла за собою та случайность, что онъ умеръ всего 32 лѣтъ отъ роду, вслѣдствіе чего сразу рушилась вся съ такимъ трудомъ созданная имъ всемірная монархія. Буря на моряхъ также есть обычное явленіе; но когда такая буря совпала съ выходомъ великой армады для подавленія протестантизма и разсѣяла ее, то послѣдствія этой случайности имѣли громадное значеніе въ исторіи Европы. Суровыя зимы въ Россіи повторяются нерѣдко и не составляютъ ничего особеннаго, но когда одна изъ особенно суровыхъ зимъ совпала съ походомъ Наполеона I въ Россію и причинила величайшую бѣдственность непобѣдимой дотолѣ арміи военнаго генія, то эта случайность опять повлекла за собою громадныя слѣдствія. Пуля направлялась въ грудь великаго императора, вступившаго въ отчаянный полтавскій бой, долженствовавшій рѣшить,

кому распоряжаться судьбою сѣвера Европы. Уклонись она на полдюйма вправо или влѣво, и великій царь палъ бы бездыханнымъ и всѣ исполинскія усилія его рушились бы отъ этой случайности. Но пуля выдержала свое направленіе и ударила какъ разъ въ тотъ пунктъ на груди, гдѣ висѣлъ крестъ, и встрѣтивъ это непроницаемое препятствіе, отскочила, и судьба сѣверной Европы была рѣшена въ пользу русскаго царя.

Такими случайностями переполнены лѣтописи исторіи. На всемъ ея протяженіи мы то и дѣло видимъ, какъ въ ней совершается какой-то неуловимый калейдоскопъ необъяснимыхъ случайностей и самыхъ странныхъ совпаденій. Отъ какого нибудь ничтожнѣйшаго самого по себѣ явленія происходятъ величайшія событія; какая нибудь случайность, происшедшая именно въ данный, а не другой моментъ, создаетъ или разрушаетъ счастье отдѣльныхъ лицъ или цѣлыхъ народовъ. Человѣкъ прибѣгаетъ къ какимъ нибудь страшнымъ усиліямъ, напрягаетъ всѣ силы своего ума для достиженія той или другой цѣли, и вдругъ по какой-либо странной случайности всѣ эти усилія разлетаются въ прахъ или приводятъ какъ разъ къ противоположной цѣли; или наоборотъ изъ самыхъ ничтожныхъ явленій развиваются событія, поражающія своею неожиданною важностью. „Нить, на которой повидимому виситъ цѣлый міръ событій, часто въ самый рѣшительный моментъ обрывается и такимъ образомъ не осуществляется множество такихъ событій, которыя иначе непремѣнно осуществились бы; съ другой стороны нить, которая повидимому готова порваться во всякій моментъ, чудесно сохраняется, хотя бы достаточно было самаго ничтожнаго напряженія, чтобы она порвалась и вслѣдствіе этого весь дальнѣйшій ходъ исторіи получилъ бы совсѣмъ другое направленіе. Наконецъ изъ самыхъ далекихъ областей случайно сталкиваются между собою самыя разнородныя, совершенно чуждыя между собой вещи и производятъ чрезъ это событія, которыя дѣлаютъ цѣлую эпоху въ исторіи“ [1]). Эта пестрота неуловимыхъ и необъяснимыхъ

[1]) Haug, Allgem. Geschichte, стр. 43. Нѣсколько страницъ тому же

случайностей представляетъ самую характеристическую черту исторіи,—ту черту, которая прежде и больше всего представляется непосредственному наблюденію. Но уже по этому самому ясно, что это лишь одна сторона историческаго міра и притомъ самая внѣшняя. Тотъ, кто не въ состояніи открыть въ немъ еще другой какой либо стороны, отнюдь не можетъ быть названъ глубокимъ историкомъ, какъ таковымъ не можетъ быть названъ напр. Вольтеръ, который полагалъ, что крестовые походы, повлекшіе за собою громадныя жертвы людьми и произведшіе цѣлый нравственно-соціальный переворотъ въ Европѣ, произошли вслѣдствіе проповѣди какого-то полоумнаго Петра Амьенскаго, такъ что во-время пришиби турки этого страннаго пилигрима, они, да и европейскіе народы избавились бы отъ всѣхъ тѣхъ бѣдствій, которыми сопровождались для нихъ эти походы [1]); или что реформація произошла вслѣдствіе случайной ссоры монаховъ между собою, такъ что не будь этой ссоры между августинцами и доминиканцами изъ-за права вести выгодный торгъ индульгенціями, не произошло бы и реформаціи [2]); или что произшедшая уже реформація нашла себѣ сочувствіе въ Сѣверной Европѣ и не имѣла успѣха на югѣ потому, что сѣверные народы были бѣднѣе южныхъ, и, не имѣя возможности покупать индульгенцій по высокой цѣнѣ, съ досады порѣшили совсѣмъ отвергнуть папство и принять болѣе дешевую религію. Тотъ, говоримъ, кто сталъ бы ограничиваться въ разсмотрѣніи судебъ исторіи подобными наблюденіями и объясненіями, не получилъ бы названія глубокаго историка. Поэтому всякая, болѣе ими менѣе серьезная мысль не останавливается на пестрой игрѣ внѣшнихъ случайностей, а старается заглянуть внутрь ихъ, на ту общую основу, на которой происходитъ эта внѣшняя игра; и когда она дѣйствительно проникаетъ глубже, то видитъ предъ собой совершенно иную картину. „Если на поверхности наблюдателю представляется безконечно богатое и

предмету посвящено въ сочиненіи проф. *Н. И. Карѣева*, Основные вопросы философіи исторіи, т. I, стр. 198—211.

[1]) См. его Essai sur les Moeurs, II, гл. LIV, стр. 263 (XVIII томъ общаго собранія его сочиненія 1829 и сл. год.).

[2]) Тамъ же т. III, стр. 446.

разнообразное зрѣлище явленій, которыя въ своей крайней разрозненности повсюду ускользаютъ отъ всякой попытки связать и осмыслить ихъ; то съ другой стороны—подъ ними серьезный мыслитель замѣчаетъ неподвижное единство, которое стремится связать все это живое, непрѣстанно движущееся разнообразіе въ твердыя формы и опять поглотить его въ нѣдрахъ всеобщихъ началъ; но никогда не удается ни одной изъ этихъ сторонъ окончательно одолѣть другую и чрезъ это вполнѣ достигнуть своей цѣли. Принципы, лежащіе въ основѣ обѣихъ этихъ сторонъ, тамъ случай и индивидуальная свобода, здѣсь необходимость, составляютъ громаднѣйшую противоположность, которую тщетно старается понять и сгладить разумъ: ихъ сосуществованіе и взаимодѣйствіе есть глубочайшая загадка бытія, вслѣдствіе чего и общій результатъ ихъ — исторія, пеструю ткань которой производятъ онѣ, столь таинственна въ своемъ процессѣ. Мы ясно видимъ, какъ вслѣдствіе этой путаницы сталкивающихся между собою вліяній развитіе, хотя быть можетъ и съ уклоненіями, которыя однакоже сглаживаются въ общемъ, продолжаетъ свой тихій размѣренный ходъ, какъ ему часто чудесно содѣйствуетъ самый случай, какъ разрозненность и раздвоеніе опять возвращаются къ единству, и свобода, какъ бы сдерживаемая невидимыми узами, никогда не можетъ слишкомъ далеко уклониться отъ него, даже повидимому въ самыхъ случайнѣйшихъ и капризнѣйшихъ проявленіяхъ человѣческой жизни—поразительнымъ образомъ просвѣчиваетъ законъ“ [1]).

Такой именно двусторонній процессъ и представляетъ собою міръ историческихъ явленій для всякаго мыслящаго наблюдателя. Для наглядности его можно сравнить съ океаномъ. На поверхности его подъ вліяніемъ разныхъ случайностей происходятъ движенія, не подчиняющіяся никакимъ опредѣленнымъ законамъ, такъ что всякое парусное судно вполнѣ находится во власти капризной стихіи; но если мы взглянемъ вглубь, то увидимъ совершенно правильныя движенія водъ, въ опредѣленныхъ направленіяхъ и

---

[1]) Haug, Allgem. Geschichte, p. 44.

по опредѣленнымъ законамъ, очевидно въ силу естественной необходимости, такъ что эти теченія могутъ составлять предметъ точнаго изученія и даже изображенія на географическихъ картахъ. И обѣ эти стороны сосуществуютъ въ одномъ и томъ же процессѣ. Тоже самое представляетъ и исторія. И эта двусторонность ея была уже замѣчена въ самое древнее время, и тогда же мысль начала дѣлать попытки согласить между собою эти двѣ повидимому несогласимыя стороны историческаго процесса и найти такую общую основу, на которой онѣ могли бы найти себѣ примиреніе въ общемъ синтезѣ. Но замѣчательно, что при этихъ попыткахъ, лишь только мысль старалась найти какой нибудь общій принципъ, который могъ бы послужить всеобъемлющимъ началомъ, она рѣдко удерживалась на равновѣсіи этихъ двухъ сторонъ и всегда отдавала предпочтеніе какой либо одной изъ нихъ, или законосообразность принося въ жертву случайности, или наоборотъ—случайность въ жертву законосообразности. Такъ какъ послѣдняя представляетъ больше возможности для научнаго созерцанія, подкупая устойчивостью своего движенія, столь необходимаго для подведенія явленій подъ опредѣленные законы, то неудивительно, что эта именно сторона, по которой исторія выступаетъ какъ міръ необходимости, была излюбленной темой научнаго историческаго міросозерцанія. Какъ и вездѣ, тутъ также сказалась извѣстная ограниченность человѣческаго ума, который не въ состояніи обнять истины во всей ея полнотѣ и почти всегда воспринимаетъ ее лишь съ одной какой либо стороны. Вотъ почему всѣ главнѣйшія попытки осмыслить историческій процессъ съ точки зрѣнія высшаго начала сводятся какъ въ древнее, такъ и въ новое время къ тому, что въ смыслѣ этого начала выдвигается необходимость въ той или другой ея формѣ и историческое движеніе мыслится какъ движеніе по неизмѣннымъ законамъ, поглощающимъ собою всѣ частныя, такъ называемыя случайныя явленія. Свобода человѣческихъ дѣйствій съ этой точки зрѣнія есть лишь обманчивый призракъ, обманъ самочувствія, разсѣевающійся подъ строгимъ анализомъ научнаго изслѣдованія, и она не можетъ быть понимаема иначе, какъ свобода или случайность метеорологическихъ явленій, которыя кажутся случайными лишь потому, что мы еще

не имѣемъ возможности услѣдить связь ихъ съ управляющею ими необходимостью. Въ доказательство этого приводилось много всевозможныхъ соображеній и между прочимъ особенно большое употребленіе дѣлалось изъ показаній статистики, которая даетъ возможность услѣдить поразительную правильность въ повторяемости въ извѣстные періоды даже такихъ явленій, которыя на обыденный взглядъ кажутся наиболѣе случайными и произвольными, какъ напр. количество повторяющихся ежегодно преступленій и даже случаевъ опусканія въ почтовые ящики писемъ безъ адреса [1]). Въ частностяхъ этотъ взглядъ весьма разнообразился. Отыскивая основную исходную точку, мыслители этого направленія перебрали почти все, что только имѣетъ какое либо замѣтное вліяніе на судьбу человѣка, и указывали напр. на климатъ, на климатъ и почву вмѣстѣ, на всю природу вообще, на составъ крови и т. далѣе; но основная тенденція его заключалась въ томъ, чтобы низвесть историческій процессъ на почву безусловной необходимости, подвесть его подъ тѣ неизмѣнные, роковые законы, которыми управляется весь остальной міръ—во всемъ его объемѣ. Это воззрѣніе, которому особенную систематизацію придалъ Огюстъ Контъ, нашло себѣ въ новѣйшее время наиболѣе послѣдовательнаго выразителя въ лицѣ одного изъ самыхъ популярныхъ философствующихъ мыслителей нашего времени, именно Спенсера, который сдѣлалъ широкое примѣненіе къ исторіи и соціологіи того, что извѣстно подъ названіемъ эволюціи. Весь міръ, по этой теоріи, находится подъ безусловнымъ господствомъ общихъ неумолимыхъ законовъ, которые имѣютъ роковую тенденцію производить движеніе въ томъ или другомъ направленіи, и это движеніе есть развитіе или эволюція, которая по этому самому совершается съ безусловною необходимостью. Никакія постороннія или случайныя вліянія не въ состояніи остановить, замедлить или усилить это развитіе: оно совершается съ такою же роковою необходимостью, какъ рѣка катитъ свои воды по наклонной плоскости къ морю. Человѣкъ съ своими дѣйствіями

[1]) Съ особенною настойчивостью на этихъ фактахъ останавливался Бокль въ своей «Исторіи цивилизаціи Англіи».

и затѣями есть лишь одно изъ проявленій этой эволюціи, въ которой утопаетъ всякая его свобода, и міръ общественной жизни и историческихъ явленій движется самъ собою безъ всякаго съ его стороны участія въ этомъ отношеніи. Чтобы придать извѣстную правдоподобность этой теоріи, въ ней въ полномъ объемѣ выдвигается идея организма, живущаго и развивающагося по своимъ неизмѣннымъ законамъ, — но эта постановка нисколько не спасаетъ личности человѣка, которая совершенно теряется въ органическомъ процессѣ и самая исторія перестаетъ быть областью свободнаго движенія къ опредѣленной, сознательнопоставленной цѣли, а превращается въ роковой процессъ, въ которомъ не можетъ быть рѣчи даже о прогрессѣ или усовершенствованіи — въ собственномъ смыслѣ этого слова [1]). Въ самомъ дѣлѣ, если личность настолько ничтожна, что она даже не принимается во вниманіе этимъ процессомъ, то нѣтъ никакого ручательства въ томъ, что этотъ процессъ есть именно прогрессивный, и напротивъ можно указать не мало условій, которыя дѣлаютъ его рѣшительно регрессивнымъ, хотя бы потому, что сила солнечнаго свѣта, производящаго и поддерживающаго органическую жизнь на землѣ, по астрономическимъ соображеніямъ, изъ года въ годъ ослабѣваетъ, рисуя весьма непріятную перспективу состоянія, когда земля за недостаткомъ свѣта и тепла должна будетъ превратиться въ мертвую планету. Но и помимо такой перспективы, эта теорія, приносящая личность въ жертву необходимости, тѣмъ самымъ подрываетъ всякій смыслъ въ историческомъ процессѣ. Исторію мы можемъ мыслить (какъ справедливо замѣчаетъ проф. Карѣевъ), только предполагая существованіе личности, какъ особаго начала, отличнаго отъ органической жизни, способнаго вліять на нее и обладающаго способностью создавать нѣчто такое, чего не можетъ создать никакой органическій процессъ, способностью создавать особый міръ надъ-органическій, судьба котораго и составляетъ главное содержаніе исторіи. Разъ

---

[1]) Обстоятельное изложеніе этой теоріи сдѣлано въ сочиненіи *Карѣева*, Основные вопросы философіи исторіи и въ *его же* Сущность историческаго процесса (Спб. 1890 г.), въ разныхъ мѣстахъ.

будетъ отвергнуто самостоятельное значеніе личности, потеряетъ всякій смыслъ и исторія, и останется одна соціологія, въ которой дѣйствуютъ тѣже законы, что и въ зоологіи.

Результатъ очевидно весьма неутѣшительный. Неудивительно, что онъ не могъ удовлетворить даже самыхъ сторонниковъ эволюціи, и напр. проф. Карѣевъ, въ общемъ примыкая къ теоріи эволюціи, нашелъ однакоже необходимымъ уклониться отъ строгаго ея развитія, и въ своихъ философскоисторическихъ трудахъ поставилъ задачей придать нѣкоторое значеніе личности въ исторіи. Безъ личности, какъ самодѣятельнаго начала, по его воззрѣнію, не можетъ быть мыслима самая исторія, такъ какъ личность есть именно то реальное существо, для котораго существуютъ всѣ соціально-историческія формы и помимо котораго онѣ теряютъ всякій смыслъ [1]). Но разъ признана личность, какъ самобытное существо, способное создавать нѣчто несуществующее помимо ея, эволюція какъ органическій процессъ оказывается совершенно неприменимой къ исторіи, и если мы будемъ стараться удержать эволюцію, то придемъ къ странному противорѣчію, что личность, какъ необходимый продуктъ общаго развитія, имѣетъ въ себѣ однакоже способность вліять на это развитіе, ставить самосознательныя цѣли и вырабатывать извѣстныя формы, способствующія ихъ достиженію. Чтобы избѣгнуть этого противорѣчія, теорія должна представлять себѣ личность не болѣе, какъ извѣстную среду, чрезъ которую проходитъ извѣстный процессъ и благодаря которой образуется нѣчто новое лишь по формѣ, а не по существу,— подобно тому, какъ растеніе представляетъ такую именно среду, пройдя чрезъ которую извѣстные неорганическіе или органическіе элементы получаютъ новую форму, но по существу остаются одними и тѣми же. Въ такомъ случаѣ защита личности оказывается совершенно призрачною, фактъ ея несомнѣннаго значенія въ исторіи остается попрежнему неразъясненнымъ и самый процессъ исторіи непонятнымъ и безцѣльнымъ. Главное дѣло безцѣльнымъ; потому

[1]) Осн. вопросы ф. и., т. I, стр. 401—2.

что доказывать, что сущность историческаго процесса есть прогрессъ, какъ это и доказываетъ проф. Карѣевъ, значитъ утверждать нѣчто такое, что не имѣетъ для себя достаточныхъ основаній въ самомъ значеніи такъ понимаемой личности. Это сомнѣніе въ устойчивости такого воззрѣнія невольно и сказалось въ томъ, что тотъ же философствующій историкъ нашелъ невозможнымъ построить какой-либо общій планъ для исторіи человѣчества и даже отрицаетъ его въ принципѣ [1]). Вмѣсто построенія такого плана, онъ посвящаетъ себя весьма кропотливому и утомительному труду, стараясь показать, какъ, какими путями, изъ чего, подъ вліяніемъ какой общей тенденціи личности ведутъ ту многовѣковую работу, которая извѣстна подъ названіемъ исторіи, и результатъ получается самый ничтожный: уясняется нѣсколько черновая, такъ сказать сторона историческаго процесса, но совершенно въ сторонѣ остается капитальный вопросъ: для какой высшей цѣли ведется весь этотъ трудъ, причиняющій столько радостей и горя, требующій такихъ колоссальныхъ усилій и такого геройства, кто главный управитель этой работы и, слѣдовательно, составитель ея плана, и кто будетъ награждать за успѣшное выполненіе его? Однимъ словомъ высшая телеологія, вызываемая самымъ понятіемъ сознательнаго труда сознательныхъ дѣятелей на поприщѣ исторіи, не находитъ себѣ здѣсь никакого удовлетворенія. Такой изслѣдователь исторіи уподобляется, по сравненію одного американскаго писателя, человѣку, который, впервые увидѣвъ величественный соборъ въ Кёльнѣ, и изучивъ его составъ, самый матеріалъ, изъ котораго онъ сдѣланъ, самый процессъ работы надъ нимъ, всѣ техническія подробности постройки, вообразилъ, что онъ составилъ себѣ полное понятіе объ этомъ предметѣ. Но конечно, если бы онъ остановился на этомъ только изслѣдованіи, а не разрѣшилъ бы себѣ главнаго вопроса, для чего собственно создано это величественное зданіе, то его понятіе о немъ было бы далеко неполнымъ и въ сущности совершенно неяснымъ [2]).

---

[1]) Основные вопросы Ф. И., т. I, стр. 205 и сл.

[2]) McCosh, The Method of Divine Government, 13-е изд.

Такимъ образомъ міръ историческихъ явленій съ разсмотрѣнной точки зрѣнія оказывается совершенно непостижимымъ. Это какая-то загадка, для которой нѣтъ ни малѣйшихъ данныхъ, наводящихъ на ея разрѣшеніе. И особенно непостижимы становятся тѣ явленія исторіи, которыя составляютъ самую характеристическую черту ея, именно явленія, въ которыхъ личный элементъ съ его сознательными цѣлями и стремленіями становится въ противорѣчіе съ подавляющими его враждебными силами, въ которыхъ страшныя усилія сознательныхъ существъ рушатся отъ бездушной случайности и страшное горе чувствующихъ существъ не находитъ себѣ нигдѣ ни малѣйшаго отголоска или сочувствія, въ которыхъ преждевременно гибнущія личности и цѣлые народы оказываются жертвой какой-то безчувственной эволюціи. Нѣтъ, такая теорія не можетъ удовлетворить ни разума, ни чувства, оставляя по себѣ лишь горестное сознаніе безпомощности и безцѣльности самаго бытія. Къ счастью существуетъ еще одна теорія, которая, не разъясняя всѣхъ явленій историческаго процесса (а какая же теорія при ограниченности человѣческаго знанія можетъ заявлять претензію на полное постиженіе его?), однакоже во многихъ отношеніяхъ представляетъ громадное преимущество предъ изложенной и всѣми сродными съ ней, и именно потому, что она вводитъ новаго фактора въ исторію, расширяетъ историческій кругозоръ до безконечности и тамъ находитъ принципъ, способный обнять все, что̀ не можетъ подходить ни подъ какія другія теоріи. Эта теорія есть провиденціальная, выдвигающая въ качествѣ объединительнаго принципа для

1887 года.—Правда, и сторонники эволюціи, какъ Спенсеръ и проф. Карѣевъ, не хотятъ вполнѣ оставить этого вопроса безъ отвѣта, и указываютъ цѣль прогресса въ достиженіи высшаго счастья, понимая подъ нимъ полное совпаденіе стремленій съ цѣлями, и даже рисуютъ идеальную картину вполнѣ осуществимаго на землѣ счастья. Но въ этомъ они лишь повторяютъ зады древнихъ «идеальныхъ республикъ», отнюдь не внося большей основательности въ свою расплывающуюся до слащавости аргументацію, не говоря уже о томъ, что вполнѣ оставляютъ въ сторонѣ капитальную проблему о з лѣ, какъ принципѣ, противодѣйствующемъ всякому добру. См. изложеніе и критику этого воззрѣнія въ лекціяхъ П. С. *Астафьева*, Смыслъ исторіи (2 лекціи).

обѣихъ сторонъ историческаго процесса идею Промысла, и эта-то именно идея и нашла себѣ геніальное развитіе въ трудахъ бл. Августина и Боссюэта.

Идея Промысла въ примѣненіи къ исторіи не новая. Напротивъ она, коренясь какбы въ инстинктивномъ чувствѣ человѣка, невольно чувствующаго свою зависимость какъ разумнаго существа отъ такого же, но высшаго Существа, есть самая древняя изъ теорій, выдвигавшихся для объясненія смысла историческаго процесса. Уже древній языческій умъ предполагалъ, что міръ историческихъ явленій, представляющій такое чудесное разнообразіе повидимому случайныхъ, вѣчно сталкивающихся между собою, но не саморазрушающихся, борящихся, но не самоуничтожающихся фактовъ, и напротивъ изъ всего своего безпорядочнаго движенія направляющихся къ достиженію опредѣленныхъ цѣлей, не можетъ быть предполагаемъ безъ существованія всеуправляющаго высшаго Разума. Эта мысль впервые была высказана Анаксагоромъ и нашла сочувственный отголосокъ у послѣдующихъ поэтовъ и историковъ, хотя и получила весьма слабое развитіе. Умъ древняго человѣка, находясь еще подъ подавляющимъ вліяніемъ внѣшнихъ силъ природы, выступавшихъ въ качествѣ олицетворенныхъ существъ, былъ не въ состояніи скоро придти къ ясному разумѣнію высшаго разума во всѣхъ свойствахъ его безконечнаго совершенства, и Анаксагоръ повидимому ограничивалъ его дѣйствіе неопредѣленною областью вселенной, не касаясь спеціальнаго участія его въ дѣлахъ собственно человѣческихъ. Яснѣе примѣнилъ эту идею къ судьбамъ народовъ Эсхилъ, который въ своей трагедіи *Персы*, поставивъ вопросъ, почему этотъ могущественный народъ потерпѣлъ пораженіе отъ слабыхъ грековъ, пришелъ къ тому отвѣту, что причина эта вовсе не въ сравнительныхъ силахъ самихъ народовъ, а заключается выше ихъ, именно во всеограничивающей и всеуравнивающей длани боговъ. Персы потерпѣли пораженіе за свою чрезмѣрную гордость, которою они нарушили равновѣсіе, установленное богами, и за это понесли должное наказаніе. Тутъ ясно выступаетъ идея высшаго разума не только все устраняющаго согласно съ требованіями своей разумно-

сти, но и прямо вмѣшивающагося въ дѣла людей, чтобы воспрепятствовать имъ въ нарушеніи этого гармоническаго устройства или равновѣсія. Еще шире въ смыслѣ конкретнаго примѣненія къ историческимъ явленіямъ эта идея выступаетъ у Геродота, отца исторіи. Чрезъ всѣ его знаменитыя историческія книги проходитъ та повсюду замѣтная и намѣренно выдвигаемая мысль, что ходъ историческихъ судебъ человѣчества не есть сцѣпленіе совершенно безпорядочныхъ явленій, что напротивъ въ основѣ ихъ лежитъ общій законъ, котораго нельзя преступать безъ нарушенія справедливости, какъ основнаго принципа всякой жизни, и что всякое такое нарушеніе непремѣнно вызываетъ вмѣшательство Немезиды, которая грозно караетъ нарушителей существующаго равновѣсія. Богъ, какъ олицетвореніе этого закона, установилъ опредѣленный порядокъ въ мірѣ, и онъ же опредѣляетъ долговѣчность царствъ, сообразуетъ наказанія со степенью преступности и смиряетъ гордыхъ. Свою волю онъ открываетъ въ оракулахъ, иногда въ сновидѣніяхъ, а иногда и въ личныхъ представителяхъ своихъ на землѣ—особенно одаренныхъ людяхъ, а болѣе всего въ такихъ грозныхъ явленіяхъ, какъ землетрясеніе, необычайныя знаменія, непредвидѣнныя случайности, служащія для городовъ и царствъ нѣмыми признаками угрожающей гибели или страшныхъ бѣдствій [1]). Отсюда ясно, что въ исторической жизни допускается вліяніе высшаго существа, которое наблюдаетъ за сохраненіемъ установленнаго порядка и во имя справедливости караетъ его нарушителей. Но эта справедливость еще весьма условна, и она едва возвышается надъ уровнемъ простого механическаго уравнителя, не допускающаго преобладанія однихъ вещей надъ другими — изъ опасенія, чтобы это преобладаніе не повело къ разрушенію всего. Въ ней нѣтъ нравственнаго отношенія къ человѣку, нѣтъ любви, которая сорадовалась бы его благосостоянію; напротивъ, какъ сила бездушно-уравнивающая, она даже способна завидовать ему, и достигнутое

---

[1]) Fr. Rougement, Les deux cités, t. I, p. 216. Также Laurent, La Grèce, въ отдѣлѣ историковъ и поэтовъ и во введеніи къ Philosophie de l'histoire.

собственными усиліями счастье навлекаетъ на человѣка такое же мщеніе, какъ и нарушеніе вообще всякаго равновѣсія. Счастливецъ Поликратъ, чтобы устранить этотъ завистливый взглядъ Немезиды, долженъ былъ хоть искусственно сдѣлать себя несчастнымъ, бросая въ море свое драгоцѣнное кольцо [1]). Тутъ очевидно мысль, допуская существованіе міросохраняющей силы, поддерживающей въ мірѣ порядокъ, не дошла еще до представленія о томъ, чтобы допускать бытіе Существа, способнаго стать выше этого мертваго механизма разъ установленныхъ отношеній и сознающаго себя достаточно мудрымъ, чтобы, позволяя человѣку уклоняться отъ существующей нормы, умѣть направлять его и въ этихъ уклоненіяхъ къ достиженію порядка, стоящаго выше наличнаго. Мысль у Геродота очевидно не предполагаетъ возможности, чтобы совокупностью свободно разумныхъ усилій можно было достигать высшаго совершенства; напротивъ его божество боится всякаго уклоненія отъ существующаго порядка, опасаясь, что вслѣдствіе такого уклоненія все пойдетъ вверхъ дномъ. Такое воззрѣніе въ корнѣ подрываетъ основной принципъ жизни—стремленіе къ усовершенствованію, которое именно и производится тѣмъ, что въ наличномъ положеніи вещей дѣлаются постоянныя измѣненія, направляемыя къ лучшему. А въ такомъ случаѣ самый міръ историческихъ явленій не есть міръ прогресса, а міръ постояннаго повторенія разъ установленныхъ формъ, и вслѣдствіе этого становится лишнимъ самый вопросъ о планѣ исторіи и ея смыслѣ. Въ ней нѣтъ никакого смысла, какъ нѣтъ его въ болотѣ, для обитателей котораго главную грозу представляетъ цапля, сторожащая на берегу, чтобы поглотить всякаго такого обитателя, который неосторожно болѣе чѣмъ слѣдуетъ выдвинется изъ своей грязной стихіи.

Въ этомъ античномъ воззрѣніи очевидно сказалось общее міросозерцаніе древняго человѣка, чувствовавшаго на себѣ неотразимое

---

[1]) Herod. III, 40, 41. Ср. I, 34—о судьбѣ Креза. Въ своей знаменитой рѣчи къ Кревзу аѳинскій мудрецъ Солонъ, предостерегая его не слишкомъ гордиться своимъ внѣшнимъ счастьемъ, прямо говорилъ ему: τὸ θεῖον πᾶν ἐὸν φθονερόν—«завистливо божество»,—I, 32.

давленіе окружающаго міра. Человѣкъ не могъ освободиться отъ такого воззрѣнія, пока въ немъ не явилась идея, что въ природѣ человѣческаго существа есть кромѣ внѣшней еще внутренняя сущность, которая независима отъ случайностей внѣшняго бытія, что эта сущность живетъ по своимъ особымъ законамъ и имѣетъ свою самостоятельную цѣнность, что сущность эта нравственная и потому нуждающаяся въ нравственныхъ отношеніяхъ. Какъ нравственное существо, человѣкъ нуждается не въ одной только уравнивающей справедливости, которая неблагопріятна всякому самостоятельному усилію воли, а кромѣ того и въ любви, которая бы сочувствовала добрымъ усиліямъ и своею мудростью поддерживала и поощряла ихъ. Онъ нуждается не въ слѣпой силѣ, которая неизмѣнно повторялась бы въ своихъ дѣйствіяхъ при одинаковыхъ условіяхъ, но которая вела бы человѣка и весь міръ къ одной опредѣленной цѣли, а цѣль эта состоитъ въ достиженіи лучшаго состоянія, чѣмъ то, въ которомъ находится наличная дѣйствительность. А такая потребность и находитъ себѣ единственное удовлетвореніе въ христіанской идеѣ Промысла, предполагающей именно бытіе Существа не только безконечно справедливаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и безконечно любящаго, со всѣми вытекающими отсюда слѣдствіями. Съ точки зрѣнія этой именно идеи возможно не только уяснить себѣ смыслъ исторіи, но и составить себѣ и представленіе о томъ планѣ, который положенъ въ основу ея и которымъ объясняются до извѣстной степени всѣ явленія, неспособныя уложиться ни въ какое другое историческое воззрѣніе.

Если разсмотрѣнное выше воззрѣніе эволюціонизма дѣлаетъ „единственнымъ факторомъ исторіи (человѣческую) личность“ [1]), а античное воззрѣніе—Немезиду, вслѣдствіе чего въ томъ и другомъ случаѣ мысль отказывается отъ возможности составить себѣ разумный планъ всемірно-исторической жизни, то съ другой стороны христіанское воззрѣніе дѣлаетъ главнымъ факторомъ исторіи Бога, какъ существо всемогущее, всеправедное и вселюбящее, а второстепеннымъ факторомъ является человѣческая личность, какъ по

[1]) *Н. И. Кареевъ*, Осн. вопросы Ф. И., т. I, стр. 155.

своему существу составляющая образъ Божій, а по своей дѣятельности стремящаяся достигнуть подобія Ему. Богъ, по выразительному свидѣтельству бл. Августина, есть тотъ принципъ, отъ котораго зависитъ весь міръ въ его стройномъ составѣ и движеніи. Сотворивъ человѣка разумнымъ, давъ всему порядокъ, подчинивъ все мѣрѣ, числу и вѣсу, водворивъ повсюду добрую гармонію, „не оставивъ не только неба и земли, не только ангела и человѣка, но и внутренностей самаго малаго и самаго презрѣннаго одушевленнаго, и перышка птицы, и цвѣтка травы, и листка дерева безъ того, чтобы не дать имъ извѣстной соразмѣрности въ ихъ частяхъ и въ своемъ родѣ взаимнаго согласія, Богъ конечно не могъ оставить внѣ законовъ своего провидѣнія царства человѣческія и ихъ положенія, господственныя и подчиненныя“ [1]). Въ другомъ мѣстѣ прямо утверждая это предполагаемое здѣсь положеніе, онъ же говоритъ, что „Богъ—виновникъ и податель счастья,—самъ раздаетъ земныя царства и добрымъ и злымъ. И дѣлаетъ Онъ это не безъ разбора и какбы случайно (поелику Онъ Богъ, а не фортуна), но сообразно съ порядкомъ вещей и времени,—порядкомъ для насъ сокровеннымъ, а Ему вполнѣ извѣстнымъ“ [2]). Такимъ образомъ вмѣсто бездушной судьбы или механической эволюціи вводится высшее личное начало, которое, являясь всеобъемлющимъ разумомъ и совершеннѣйшею справедливостью, обнимаетъ своею мудростью и любовію весь міръ и въ немъ все человѣчество, относясь къ нему какъ нравственное существо къ нравственному. Это отношеніе получаетъ характеръ Промышленія, въ которомъ все основывается на высшихъ нравственныхъ началахъ и поэтому все становится цѣлесообразнымъ. Богъ, какъ всесовершеннѣйшее существо, давъ бытіе міру не по какой нибудь нуждѣ въ немъ, а исключительно по своей безконечной благости и любви, чтобы дать и твари насладиться этими свойствами Его бытія, тѣмъ самымъ

---

[1]) О градѣ Божіемъ V, 11.

[2]) О градѣ Божіемъ IV, 33. Тоже и у Боссюэта, въ его «Разсужденіи о всемірной исторіи», франц. изд. Oeuvres, t. I, стр. 297 и 298: «Богъ царствуетъ надъ всѣми народами» и пр.

поставилъ цѣль жизни для всего живущаго и особенно для человѣка, какъ способнаго сознательно участвовать въ благахъ бытія, и эта цѣль есть достиженіе высшаго блага, какое только можетъ быть мыслимо разумнымъ существомъ, и именно пребываніе въ Богѣ, какъ высшемъ средоточіи высшаго блага. Благо увеличивается въ своей цѣнности, когда оно достигается собственными усиліями и собственнымъ самоопредѣленіемъ. Поэтому Богъ далъ человѣку свободу, какъ способность стремиться или не стремиться къ этому благу, достигать или не достигать его, возможность раздваиваться въ своемъ стремленіи, чтобы чрезъ побѣду надъ этимъ разладомъ съ одной стороны увеличивать цѣнность достигнутаго, а съ другой имѣть естественный стимулъ къ поступательному нравственному движенію и совершенствованію. Отсюда уже въ первобытномъ состояніи человѣка наступилъ извѣстный историческій процессъ въ смыслѣ планомѣрнаго и цѣлесообразнаго развитія, — но процессъ нормальный, въ которомъ элементы духа и плоти находились въ полномъ и совершенномъ равновѣсіи, центростремительное движеніе въ равновѣсіи съ центробѣжнымъ, при чемъ свобода, мотивируемая нравственною зависимостью отъ всемогущаго Творца, имѣла естественную наклонность давать преимущество первому, хотя и сохраняя возможность дѣйствовать въ обратномъ направленіи. На этомъ равновѣсіи человѣкъ однако не удержался. Злоупотребивъ своей свободой, онъ совершилъ преступленіе и палъ. Прежняя гармонія бытія была разрушена, невинное состояніе, относящееся къ тому періоду, который въ собственномъ смыслѣ можно назвать доисторическимъ, закончилось и наступилъ новый періодъ, который и есть періодъ дѣйствительной исторіи. Но эта исторія уже по этому самому есть исторія грѣховная. Соотношеніе силъ въ ней существенно измѣнилось, и центръ тяжести въ развитіи передвинулся въ сторону къ міру, т. е. дальше отъ Бога. Человѣкъ сдѣлался рабомъ грѣха и своихъ страстей и сознаніе своего истиннаго блага настолько ослабѣло и помрачилось въ немъ, что безъ высшей помощи онъ уже не въ состояніи былъ бы достигнуть его. Отсюда, если въ первобытномъ состояніи человѣкъ былъ вполнѣ правоспособенъ и вполнѣ могъ быть предоставленъ въ своемъ развитіи собственному

самоопредѣленію, то теперь онъ, потерявъ эту правоспособность, долженъ былъ подвергнуться сильному внѣшнему контролю, вслѣдствіе чего самая исторія получила характеръ процесса воспитательнаго, который какъ такой предполагаетъ внѣшнее руководительство въ направленіи къ опредѣленной цѣли, при помощи разныхъ поощрительныхъ и побудительныхъ средствъ [1]). Такой именно характеръ и носитъ на себѣ дѣйствительная исторія.

Но какъ планомѣрный, воспитательный процессъ, зависящій въ своемъ движеніи отъ опредѣленныхъ факторовъ, исторія можетъ быть мыслима только при предположеніи, что главный объектъ ея— человѣкъ есть существо, способное сохранять свой основной типъ во всемъ множествѣ представляющихъ его, смѣняющихся и размножающихся особей, что всѣ эти особи находятся въ неразрывной связи съ своимъ первоначальнымъ родоначальникомъ, т. е. другими словами, исторія предполагаетъ единство человѣческаго рода. Эта идея лишь смутно сознавалась въ древнемъ до-христіанскимъ мірѣ, выдвигавшемъ идею самобытности или автохфтонности отдѣльныхъ народовъ, и не разъ подвергалась сильнымъ нападкамъ и со стороны новѣйшей науки, предполагавшей нѣсколько центровъ происхожденія человѣка, пока эта послѣдняя теорія не нашла себѣ поразительное опроверженіе въ другой, самой распространенной теоріи эволюціи, допускающей не только единство человѣческаго рода, но даже и единство всего вообще органическаго міра [2]). Такой скачекъ положительной науки служитъ самымъ краснорѣчивымъ подтвержденіемъ библейской истины—единства человѣческаго рода, и эта истина составляетъ необходимый элементъ здраваго пониманія

---

[1]) Идея воспитанія явственно выдвигается бл. Августиномъ напр. въ Civ. Dei X, 14.

[2]) Въ этомъ фактѣ сказалась поразительная неустойчивость новѣйшихъ научныхъ теорій. Дѣлая чудовищный скачекъ отъ отрицанія единства человѣческаго рода къ утвержденію единства всего органическаго міра, новѣйшая наука олицетворила въ себѣ странный капризъ, какъ бы такъ говоря библейскому міросозерцанію: если ужъ нельзя отстоять неединства человѣческаго рода, то я пожалуй готова признать единство, но только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы включить въ него и обезьяну и весь органическій міръ,—такъ что выбирай любое, или неединство людей между собою, или же единство ихъ съ обезьяной...

всемірноисторическаго процесса. Съ этой точки зрѣнія вполнѣ объясняется фактъ наслѣдственности, воспроизводящей въ послѣдующихъ особяхъ весь складъ нравственнаго и физическаго бытія родоначальника и извѣстную правильность въ самыхъ формахъ жизни, видоизмѣняющихся лишь подъ воздѣйствіемъ второстепенныхъ причинъ. Такъ какъ родоначальникъ совершилъ актъ, произведшій полное разрушеніе первоначальной гармоніи бытія, то этотъ разладъ въ силу наслѣдственности передался и всему человѣчеству, и вся его жизнь именно стала печальнымъ выраженіемъ этого разлада. На всемъ протяженіи исторіи мы повсюду видимъ этотъ именно разладъ, который составляетъ самую характеристическую черту историческаго процесса, разсматриваемаго въ его наличной, феноменальной дѣйствительности, и дѣлаетъ этотъ процессъ попреимуществу грѣховнымъ, а вслѣдствіе этого и необходимо бѣдственнымъ.

Такъ какъ весь историческій процессъ представляетъ собою результатъ дѣйствія факторовъ, стремящихся къ опредѣленной цѣли, то вслѣдствіе этого онъ есть процессъ прогрессивный. Идея прогресса опять есть идея, которой не зналъ древній міръ и которая находитъ свое полное оправданіе только съ точки зрѣнія идеи Промысла. Въ древнемъ мірѣ рѣшительно преобладала идея регресса, какъ стремленія къ постепенному ухудшенію, и она есть именно та идея, которая прежде всего дается непосредственному воспріятію и даже вытекаетъ изъ естественнаго мышленія человѣческаго ума. Напрасно проф. Н. И. Карѣевъ, кладущій въ основу своего философско-историческаго воззрѣнія идею прогресса, говоритъ, что „психологическое происхожденіе ея весьма ясно“ [1]). Психологически напротивъ самая понятная и естественная идея есть идея регресса, какъ ухудшенія производнаго сравнительно съ производителемъ, дѣтей съ родителями, потомковъ съ предками и эта идея находитъ себѣ примѣненіе даже въ родовой психологіи, по которой родители и особенно дѣды всегда идеализируютъ предъ своимъ младшимъ

---

[1]) Исторія и философское значеніе идеи прогресса, «Сѣверный Вѣстникъ», ноябрь 1891 г., стр. 95.

поколѣніемъ свое „старое“ время, когда, какъ говорятъ изъ своего физіологическаго наблюденія старики своимъ внукамъ, самое солнце свѣтило и грѣло лучше и во всемъ было неизвѣстное теперь изобиліе. Если эмпирически и замѣчаются успѣхи изобрѣтательности и механическаго прогресса, то этотъ прогрессъ есть лишь жалкая замѣна общаго регресса, вынужденное усиліе возмѣщать огромные результаты общаго регресса изысканіемъ искусственныхъ средствъ противодѣйствія ему. Вотъ почему всѣ древнія міросозерцанія представляютъ собою типъ эманаціи, истеченія всѣхъ явленій міровой жизни изъ божества, при чемъ чѣмъ далѣе идетъ этотъ процессъ истеченія отъ своего исходнаго пункта, тѣмъ болѣе онъ ухудшается въ своемъ составѣ. Отсюда составилась извѣстная теорія четырехъ вѣковъ, изъ которыхъ каждый представляетъ ухудшеніе по сравненію съ предшествующимъ,—золотой вѣкъ смѣняется серебрянымъ и все заканчивается вѣкомъ желѣзнымъ, каковой и есть вѣкъ наличной дѣйствительности. Это воззрѣніе лежитъ и въ основѣ классическаго міросозерцанія, и оно именно, вмѣстѣ съ личнымъ, психологически понятнымъ наблюденіемъ, дало поводъ великому римскому поэту Горацію, не смотря на всѣ признаки несомнѣннаго культурнаго превосходства его эпохи надъ всѣми предшествующими, жаловаться, что все въ мірѣ идетъ отъ худого къ худшему и что если уже жалко и дрянно теперешнее поколѣніе, то оно произведетъ отъ себя поколѣніе еще болѣе жалкое и негодное [1]). Если регрессъ для естественнаго ума есть сущность историческаго и вообще мірового процесса, то и самое чаяніе лучшаго будущаго, выставляемое тѣмъ же изслѣдователемъ въ качествѣ второго источника идеи прогресса [2]), есть лишь желаніе возврата къ тому лучшему, которое рисуется не впереди, а сзади, и если бы даже это лучшее могло быть когда либо достигнуто и возстановлено вновь,

---

[1]) Разумѣемъ извѣстные стихи Горація:

Aetas parentum, pejor avis, tulit
Nos nequiores, mox daturos
Progeniem vitiosiorem. Horat. Od. III, 6.

[2]) Исторія и философское значеніе идеи прогресса, «Сѣв. Вѣст.», ноябрь, стр. 95.

то для этого нужно было бы произвесть понятное движеніе къ первоисточнику всякаго бытія, слѣдовательно движеніе во всякомъ случаѣ регрессивное, какъ это съ поразительною смѣлостью выразилъ новѣйшій представитель древняго міросозерцанія—Руссо, объявившій всю новѣйшую цивилизацію великимъ бѣдственнымъ самообольщеніемъ и заблужденіемъ. Но въ дѣйствительности и это понятное движеніе невозможно, потому что историческій процессъ съ точки зрѣнія естественнаго ума есть процессъ необходимый, совершающійся съ такою же безусловно роковою необходимостью въ одномъ опредѣленномъ направленіи, съ какою рѣка катитъ свои воды по наклонной плоскости къ своему устью. Потому-то въ древнемъ мірѣ мы видимъ преобладаніе какой-то томящей грусти во всемъ [1]): люди не имѣли никакой надежды на лучшее будущее и предавались самому мрачному отчаянію, которое достигало своего высшаго развитія именно въ періоды наивысшей культуры (какъ напр. предъ появленіемъ христіанства на землѣ).

Такимъ образомъ идея прогресса логически можетъ вытекать лишь изъ идеи Промысла, по которой человѣкъ имѣетъ свой идеалъ въ высшемъ совершенствѣ, воплощаемомъ въ Богѣ, и внутри себя имѣетъ непреодолимое побужденіе стремиться къ этому идеалу. Когда съ наступленіемъ собственно наличнаго историческаго процесса въ человѣкѣ произошелъ указанный выше разладъ, то хотя самый историческій процессъ и получилъ совершенно иной характеръ, при чемъ центръ влеченій человѣка сильно передвинулся, и именно по направленію къ міру, тѣмъ не менѣе идея прогресса не потерпѣла чрезъ это никакого ущерба. Прогрессъ остался во всей силѣ; но какъ въ самомъ человѣкѣ произошелъ разладъ, такъ раздвоился и самый прогрессъ, при чемъ съ одной стороны въ человѣкѣ сохранилось стремленіе къ своему высшему идеалу, которое есть высшее благо, а съ другой стороны—всѣ свойства испорченной природы направляли его въ противоположную сторону, гдѣ

---

[1]) См. напр. Плиній, H. N. XXVIII, 2; Геродотъ, I, 31; Lüken Traditionen d. Menschengeschlechts, стр. 302; Lasaulx, Ueber den Sinn der Oedipussage, 1841, стр. 10 и др.

подъ чарующимъ прикрытіемъ благъ міра сего скрывался злой принципъ. Отсюда въ исторической жизни началъ совершаться двоякій прогрессъ, прогрессъ положительный, т. е. развитіе всѣхъ оставшихся зачатковъ добра, съ цѣлію достиженія высшаго блага, и прогрессъ отрицательный, какъ развитіе всѣхъ вторгшихся въ человѣческую природу элементовъ зла, съ цѣлію достиженія высшаго зла [1]). Въ виду такой двусторонности прогресса естественно возникаетъ вопросъ: какой же изъ этихъ двухъ прогрессовъ увѣнчается полнѣйшимъ успѣхомъ—положительный, или отрицательный? Торжество послѣдняго было бы прямымъ противорѣчіемъ основной цѣли самаго бытія человѣка. Съ другой стороны, и полное прекращеніе этого прогресса было бы равносильно лишенію человѣка предоставленной ему способности свободнаго самоопредѣленія, въ силу котораго онъ могъ предпочитать по своему усмотрѣнію добро или зло. Очевидно, торжество въ исторіи должно принадлежать прогрессу положительному, какъ имѣющему своею цѣлію осуществленіе истиннаго назначенія человѣка. Но такъ какъ этотъ прогрессъ не могъ разсчитывать на собственныя силы человѣка, по своей испорченной природѣ склоннаго къ явленіямъ отрицательнымъ, то оказалась необходимою высшая помощь, и она дана была высшимъ факторомъ исторіи—Богомъ, который поэтому взялъ весь историческій процессъ подъ свое руководительство или промышленіе и вслѣдствіе этого—вся исторія человѣчества становится исторіей одного великаго града Божія, который, не смотря на внутренній разладъ его частей, въ общемъ направляется къ достиженію предназначенной ему высшей цѣли, именно высшаго блага [2]). Это предположеніе вытекаетъ изъ того, что Богъ по своей безконечной любви не хотѣлъ предоставить человѣчество полной погибели подъ тор-

[1]) На этомъ воззрѣніи покоится знаменитая система двухъ градовъ—небеснаго и земнаго—у бл. Августина. О градѣ Божіемъ, XIV, 28.

[2]) Хотя у бл. Августина терминомъ «Градъ Божій» въ тѣсномъ смыслѣ называется лишь одна сторона историческаго процесса, именно царство людей добрыхъ и святыхъ, въ частности избранный народъ, но по ходу его мысли и весь міръ есть также Civitas Dei, потому что онъ весь составляетъ предметъ воспитательнаго промышленія Божія, хотя и не въ одинаковой степени.

жествомъ зла, а по своему всемогуществу. Онъ могъ направить его къ достиженію истинной цѣли его бытія, и вся исторія есть именно свидѣтельство того премудраго водительства Божія, по которому человѣчество направляется къ своему высшему благу. Но какимъ образомъ совершается это водительство?

Въ этомъ пунктѣ идея Промысла въ ея приложеніи къ исторіи встрѣчаетъ самое сильное возраженіе, которое разные противники ея не перестаютъ повторять на всевозможные лады. Если, гласитъ это возраженіе, весь всемірно-историческій процессъ во всемъ его объемѣ находится подъ безусловнымъ водительствомъ Промысла, который, не смотря на частныя уклоненія отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ царствъ отъ конечной цѣли, въ концѣ концовъ весь его направляетъ именно къ достиженію этой цѣли, то очевидно, что здѣсь не можетъ быть вопроса о свободномъ самоопредѣленіи человѣка, а слѣдовательно подрывается основной жизненный нервъ исторіи,—именно предположеніе самодѣятельнаго стремленія человѣка къ сознательно поставленной цѣли, подрывается самая идея прогресса, который превращается въ механическій, вполнѣ необходимый процессъ, и съ человѣка снимается всякая отвѣтственность за его добро или зло. Замѣчательно, что это возраженіе признается иногда непреоборимымъ даже въ нашей богословской литературѣ [1]). Но въ дѣйствительности оно основывается на одномъ весьма существенномъ недоразумѣніи. Оно исходитъ изъ предположенія, что всемогущество Божіе какъ безграничное дѣйствуетъ въ достиженіи своихъ цѣлей съ безусловною необходимостью, такъ какъ иначе оно и не было бы всемогуществомъ. При этомъ однако упускается изъ вида весьма существенная мысль, что всемогущество Божіе въ области исторіи не есть физическое, которое именно и дѣйствуетъ съ безусловною необходимостью, а всемогущество нравственное, которое можетъ самоограничивать себя, нисколько не

[1]) См. «Вѣра и Разумъ», № 17, 1891 г., стр. 309, въ статьѣ іером. Григорія о «Сочиненіи бл. Августина О градѣ Божіемъ». Статья эта вообще изобилуетъ крупными ошибками и опрометчивыми сужденіями. См. напр. стр. 316, 317 — 19, гдѣ понятіе высшаго блага смѣшивается съ понятіемъ относительнаго блага, на каковомъ смѣшеніи построена крайне неосновательная критика воззрѣній бл. Августина.

умаляя, а напротивъ — тѣмъ еще болѣе возвышая самую идею всемогущества. Идея безусловнаго всемогущества предполагаетъ возможность сдѣлать все, на что только направится мысль и воля всемогущаго существа; но эта идея возвышается еще болѣе, когда мы мыслимъ, что такое всемогущество, имѣя возможность сдѣлать все, однакоже не дѣлаетъ этого, слѣдовательно простираетъ свое ограничивающее дѣйствіе не только на все, что лежитъ внѣ его и потому безконечно ниже и слабѣе его, но и на себя само, слѣдовательно на то, что равно ему. Такое всемогущество очевидно еще выше, и оно-то и есть всемогущество нравственное. Какъ такое, оно вполнѣ можетъ ограничивать себя, чтобы рядомъ съ собою предоставлять достаточное мѣсто и для самодѣятельности внѣ его. Нравственное всемогущество можетъ быть присуще только личному существу, и такъ какъ оно въ исторіи проявляется въ отношеніи къ человѣку, также личному нравственному существу, то изъ этого взаимоотношенія личныхъ существъ, хотя безконечно неравныхъ между собою, и складывается то отношеніе, которое заключаетъ въ себѣ единственно удовлетворительное объясненіе для историческаго процесса во всѣхъ его элементахъ и перипетіяхъ, что мы и постараемся теперь объяснить.

Намъ нѣтъ надобности по существу входить въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, обладаетъ ли человѣкъ свободою воли, или нѣтъ. Это вопросъ психологіи или философіи; для исторіи же его не существуетъ, такъ какъ она, признавая человѣка непремѣннымъ факторомъ и содержаніемъ ея, напередъ предполагаетъ его какъ существо свободное, способное располагать своими дѣйствіями, а потому и отвѣтственное за нихъ. Въ такомъ только смыслѣ исторія можетъ сохранять свой нравственный характеръ, и всемірная исторія можетъ быть всемірнымъ судилищемъ надъ дѣлами лицъ и народовъ [1]). Если же и здѣсь нерѣдко возникаетъ вопросъ о свободѣ воли, то просто по недоразумѣнію, при чемъ или свободу воли смѣшиваютъ съ произволомъ, понимая подъ нею безусловную возможность дѣлать все, что вздумается, или даже, и не впадая

[1]) Согласно извѣстному изреченію: Die Weltgeschichte ist das Weltgericht.

въ подобную крайность, упускаютъ изъ вида ту истину, что свобода воли человѣка какъ ограниченнаго существа не только не предполагаетъ полнаго отсутствія ограничивающихъ условій, а напротивъ требуетъ ихъ, и есть вообще понятіе относительное. Будучи же понятіемъ относительнымъ, она тѣмъ самымъ можетъ сохранять свою относительную независимость рядомъ съ зависимостью въ безусловномъ смыслѣ отъ безусловнаго существа. Поясникъ это наглядным примѣромъ. Свободно располагая собою, я сажусь на корабль, который отправляется на западъ, въ Америку. Будучи на кораблѣ, я конечно уже менѣе свободенъ, чѣмъ былъ на сушѣ, потому что ограниченъ предѣлами корабля, увлекающаго меня именно на западъ. Но сама по себѣ свобода личнаго самоопредѣленія сохранилась во мнѣ, хотя и въ ограниченныхъ условіяхъ моего новаго положенія, такъ что я могу располагать собою во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, кромѣ того, въ которомъ я самъ ограничилъ себя, садясь на корабль. Даже и въ условіяхъ этого положенія мое самоопредѣленіе можетъ доходить до возможности съ моей стороны движенія какъ разъ противоположнаго движенію самаго корабля. На пространствѣ его длины, въ предѣлахъ 70 саженъ, я могу, двигаясь отъ носа къ кормѣ, совершать движеніе на востокъ, когда корабль движется на западъ. Хотя конечно, когда я сдѣлаю 70 саженъ по направленію къ востоку, корабль увлечетъ меня на нѣсколько верстъ къ западу, тѣмъ не менѣе это нисколько не подрываетъ моей относительной задачи — достигнуть пункта, лежащаго ближе къ востоку, чѣмъ носъ корабля. Больше же этого я уже не въ состояніи сдѣлать, потому что корабль или та воля, которая управляетъ имъ, направляя его на западъ, подчинила меня себѣ въ указанныхъ условіяхъ, такъ что хотя бы я и старался въ предѣлахъ корабля идти на востокъ, онъ непремѣнно будетъ увлекать меня все далѣе и далѣе на западъ. Но въ свою очередь и самая воля, управляющая кораблемъ, въ извѣстныхъ отношеніяхъ подчинена другой еще высшей волѣ, которая увлекаетъ его какъ разъ въ обратномъ направленіи. Хотя корабль въ представленіи капитана и всѣхъ пассажировъ направляется на западъ, однако въ дѣйствительности онъ гораздо бы-

стрѣе въ тоже время направляется на востокъ, и, сдѣлавъ нѣсколько миль на западъ, въ дѣйствительности въ это же время дѣлаетъ нѣсколько тысячъ миль по направленію на востокъ,— именно потому, что весь земной шаръ, подъ вліяніемъ другой высшей силы, движется на востокъ и вмѣстѣ съ собой конечно увлекаетъ и корабль съ его пассажирами, воображающими, что они плывутъ на западъ. Но хотя корабль въ этомъ высшемъ астрономическомъ смыслѣ дѣйствительно движется на востокъ, однако въ относительномъ смыслѣ онъ все-таки направляется въ Америку, т. е. на западъ, и непремѣнно достигнетъ своей цѣли. Весь вопросъ здѣсь въ той точкѣ зрѣнія, съ которой мы будемъ смотрѣть. Съ земной, географической точки зрѣнія корабль направляется на западъ и слѣдовательно вполнѣ свободенъ въ своемъ движеніи къ поставленной цѣли; а съ высшей, астрономической точки зрѣнія онъ движется на востокъ, потому что въ этомъ смыслѣ онъ несвободенъ и подчиненъ высшей волѣ, движущей его вмѣстѣ съ земнымъ шаромъ на востокъ. Логически здѣсь происходитъ антиномія, коллизія двухъ движеній, совершающихся въ одно и тоже время въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ; но въ дѣйствительности нѣтъ никакой коллизіи, и оба движенія вполнѣ совмѣщаются между собою, такъ что корабль, въ астрономическомъ смыслѣ увлекаемый на востокъ, въ географическомъ смыслѣ все-таки приходитъ къ своей цѣли на западъ. Утверждать противное, значило бы впадать въ тонъ знаменитой древнефилософской софистики, по которой быстроногій Ахиллесъ никогда не догонитъ черепахи. Такое же именно недоразумѣніе имѣетъ мѣсто и въ исторіи въ отношеніи свободы личности. Свобода ея отрицается нѣкоторыми историками потому, что высшая историческая точка зрѣнія обнаруживаетъ цѣлый рядъ такихъ отношеній, въ которыхъ человѣкъ оказывается несвободнымъ или даже совсѣмъ дѣйствующимъ подъ вліяніемъ необходимости. Стремясь къ одной опредѣленной цѣли, хотя бы, если взять тотъ же примѣръ, направляясь на западъ, онъ въ дѣйствительности увлекается на востокъ, или, если возьмемъ болѣе понятный въ историческомъ смыслѣ примѣръ, стараясь совершить какое-нибудь зло, въ дѣйствительности (какъ это и оказывалось часто

въ исторіи) причиняетъ добро, какъ это мы напр. видимъ въ исторіи Іосифа, которому братья, продавая его измаильскимъ купцамъ, хотѣли конечно сдѣлать зло, а между тѣмъ въ дѣйствительности сдѣлали величайшее добро, давъ первый толчекъ къ тому ряду событій, который привелъ къ возвышенію его на постъ перваго министра могущественнѣйшей и богатѣйшей монархіи древняго міра. Если мы будемъ смотрѣть на этотъ фактъ съ высшей точки зрѣнія, то конечно должны будемъ придти къ мысли, что братья въ своемъ злomъ актѣ не были свободны, они думали, что причиняютъ Іосифу зло, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности причиняли ему добро,—и съ этой точки зрѣнія личность оказывается несвободною въ исторіи и находящеюся подъ подавляющимъ ее вліяніемъ другой высшей силы, направляющей все независимо отъ воли человѣческой. Такъ именно и смотрятъ детерминисты въ исторіи. Но смотря съ этой одной точки зрѣнія, они тѣмъ самымъ обнаруживаютъ свою односторонность, которая и вводитъ ихъ въ заблужденіе. Стоитъ только взглянуть на тотъ же фактъ съ другой точки зрѣнія, и результатъ получится совершенно иной. Если братья въ абсолютномъ смыслѣ и сдѣлали для Іосифа то, чего не хотѣли, вмѣсто зла причинили добро, то это именно только въ абсолютномъ смыслѣ. Въ дѣйствительности же, если мы возьмемъ этотъ фактъ не въ его окончательныхъ результатахъ, а въ непосредственной наличности и именно въ его тѣсномъ ограниченіи, то во всякомъ случаѣ братья достигли своей цѣли: они хотѣли причинить Іосифу зло и дѣйствительно причинили ему тяжкое зло, которое, какъ мы естественно можемъ предположить, надрывало сердце бѣдному юношѣ и стоило ему страшныхъ нравственныхъ страданій и цѣлыхъ потоковъ слезъ, когда онъ, безжалостно проданный въ рабство, по его убѣжденію, навсегда оторванъ былъ отъ своего любящаго отца, также убивавшагося невыразимымъ горемъ отчаянія. И такимъ образомъ оба воззрѣнія, повидимому столь противоположныя между собою, такъ что по одному братья были свободны, а по другому были несвободны въ одномъ и томъ же дѣйствіи, оказываются каждое въ своей сферѣ истиннымъ. Эта кажущаяся антиномія объясняется именно тѣмъ, что свобода человѣка

понятіе вполнѣ относительное и свое полное осуществленіе находитъ только въ тѣсномъ кругу индивидуальной жизни, за предѣлами которой начинаются ограниченія ея, возрастающія постепенно болѣе и болѣе, такъ что результатъ ея дѣятельности, т. е. исторія, оказывается несвободною. Это соображеніе необходимо имѣть въ виду, чтобы ясно понимать историческій процессъ и значеніе въ немъ личности, и непониманіе этой простой истины и приводитъ къ той мысли, будто идея Промысла Божія не примирима съ идеей свободы личности.

Между тѣмъ, въ дѣйствительности, она не только вполнѣ примирима, но и раскрываетъ въ исторіи великую премудрость, которую Гегель называлъ „хитростью разума“, но которая на самомъ дѣлѣ есть Премудрость Божія, примиряющая какъ-бы непримиримое, свободу съ необходимостью. Въ самомъ дѣлѣ, если мы взглянемъ на исторію именно съ изложенной точки зрѣнія, то увидимъ, какъ въ ней свободно примиряются эти противоположности и при посредствѣ цѣлаго ряда градацій складываются въ дивную картину величественнаго единства, въ которомъ все сохраняетъ принадлежащее ему значеніе и мѣсто. Взятый въ своей личной или индивидуальной обособленности, человѣкъ вполнѣ свободенъ располагать собою во всѣхъ отношеніяхъ, не выходящихъ за предѣлы его естественной ограниченности. Индивидуальная жизнь есть та именно область, въ которой человѣкъ оказывается наиболѣе свободнымъ, такъ какъ онъ за исключеніемъ ограниченій своей и окружающей природы не связанъ еще никакими другими узами. Но такая индивидуальная жизнь сама по себѣ ограничена весьма тѣснымъ кругомъ собственной души въ ея самозаключенномъ состояніи. Лишь только личность выходитъ за предѣлы этой самозаключенности, она подвергается цѣлому ряду ограниченій, дѣлающихъ ее все менѣе и менѣе свободною. Человѣкъ вступаетъ въ бракъ, и семейныя отношенія уже сразу накладываютъ на него извѣстное ограниченіе, которое заставляетъ его отказаться отъ части своей прежней свободы и пожертвовать ею въ пользу своего семейства, заботиться не только о себѣ, но и о семействѣ, дѣлать не только то, что онъ хотѣлъ бы по своему личному влеченію,

но и то, что требуется для удовлетворенія нуждъ семейства. Слѣдующую градацію жизни представляетъ общество, которое также подвергаетъ личность ограниченію, заставляя человѣка дѣлать не только то, что онъ хотѣлъ бы для себя и для своего семейства, но и то, что требуетъ отъ него окружающее общество, такъ что и въ пользу его онъ долженъ отказаться еще отъ части своей свободы. Наконецъ, чтобы не перечислять многихъ промежуточныхъ градацій, представляющихъ собою великое разнообразіе общественныхъ отношеній, дальнѣйшую градацію представляетъ государство, которое подвергаетъ личность еще большему ограниченію, заставляя ее дѣлать не только то, что она хотѣла бы для себя, для своего семейства и общества, но и то, что требуется государствомъ; а государство иногда простираетъ свои требованія даже до такой степени, на которой личность можетъ совсѣмъ лишиться своей свободы, лишиться возможности дѣлать что-либо для себя, для своего семейства и для общества, такъ какъ вся она во всемъ своемъ объемѣ можетъ быть потребована на службу государству и можетъ быть даже принесена ему въ жертву, какъ напр. во время войны. Ясное дѣло, что этотъ рядъ ограниченій сводитъ свободу личности на полное отрицаніе ея, ставя ее въ такія условія, въ которыхъ свобода приносится въ жертву необходимости. Предъ лицемъ государства личность есть уже извѣстная единица, вполнѣ подчиненная ему даже до возможности ея уничтоженія. Но заключать отсюда, что личность, живущая въ государствѣ, не есть уже свободна, значило бы тоже самое, что заключать о кораблѣ, плывущемъ на западъ, но увлекаемомъ земнымъ шаромъ на востокъ, что онъ не свободенъ въ своемъ движеніи и никогда не достигнетъ своей цѣли. Но какъ въ приложеніи къ кораблю это заключеніе оказывается невѣрнымъ, такъ невѣрнымъ оно оказывается и въ приложеніи къ личности въ ея отношеніи къ государству. Не смотря на указанный рядъ ограниченій, доводящихъ въ государствѣ личность до степени возможности ея полнаго уничтоженія, сама по себѣ личность однако же остается свободной. Всѣ эти ограниченія стѣсняютъ въ дѣйствительности лишь проявленіе свободы, но не самую свободу. Даже предъ лицемъ государства человѣкъ не сво-

бо́денъ лишь какъ членъ его, какъ гражданинъ, который какъ таковой поглощается государствомъ; но будучи гражданиномъ, человѣкъ въ тоже время остается личностью, и какъ таковой онъ продолжаетъ быть столь же свободенъ, какъ и внѣ ограниченій государства. Эта антиномія находитъ себѣ поразительное подтвержденіе въ томъ извѣстномъ фактѣ, что одинъ и тотъ же человѣкъ за одно и тоже дѣйствіе, напр. убійство, можетъ быть отвѣтственъ и неотвѣтственъ. Когда онъ совершаетъ убійство въ качествѣ гражданина, т. е. подъ вліяніемъ велѣнія государства, напр. на войнѣ, онъ неотвѣтственъ, потому что его воля въ данномъ случаѣ была поглощена волей государства; но если онъ совершаетъ убійство не какъ гражданинъ, а какъ личность, т. е. при полномъ распоряженіи своею волею, то онъ отвѣтственъ за него и подлежитъ карѣ. Очевидно, что здѣсь мы имѣемъ предъ собою новый примѣръ совмѣщенія свободы съ необходимостью, при чемъ человѣкъ оказывается дѣйствующимъ и свободно, и въ силу необходимости, смотря по тому, въ какихъ условіяхъ мы разсматриваемъ его и съ какой точки зрѣнія смотримъ на него. Конечно въ точности опредѣлить, когда человѣкъ вполнѣ свободенъ и въ какихъ условіяхъ и насколько онъ теряетъ эту свободу, невозможно,—но самый фактъ совмѣщенія свободы и необходимости здѣсь не можетъ подлежать сомнѣнію. И онъ имѣетъ огромное значеніе для рѣшенія вопроса о свободѣ личности и ея значеніи въ исторіи.

Свобода личности въ исторіи съ особенною настойчивостью отрицается соціологами, которые при этомъ ссылаются главнымъ образомъ на статистику, показывающую поразительное однообразіе въ количественномъ отношеніи различныхъ соціальныхъ фактовъ—не только такихъ, какъ рожденіе и смерть, но даже и такихъ, которые повидимому вытекаютъ изъ полной свободы воли и могли совершиться или нѣтъ, какъ напр. бракъ или преступленіе. Изъ этого однообразія въ количествѣ соціальныхъ фактовъ выводятъ, что очевидно тутъ дѣйствуетъ законъ необходимости, совершенно исключающій свободу. Но это заключеніе, съ изложенной нами точки зрѣнія, совершенно неосновательно, и съ нея самая статистика получаетъ совершенно иной смыслъ, вовсе не затрогивающій

вопроса о свободѣ воли человѣка какъ личности. Статистика съ этой точки зрѣнія есть лишь показательница наличнаго состоянія общества или государства, суммы дѣйствующихъ въ немъ нравственныхъ или соціальныхъ силъ, степени вліянія государства или общества на личность, условій, ограничивающихъ ея свободу,— однимъ словомъ имѣетъ дѣло съ отвлеченными или общими данными, въ предѣлахъ которыхъ дѣйствительно человѣкъ не свободенъ, какъ соціальная или политическая единица, но которыя отнюдь не лишаютъ его свободы самоопредѣленія, а слѣдовательно и отвѣтственности какъ личность. Въ самомъ дѣлѣ статистика намъ показываетъ, что извѣстное государство или общество ежегодно даетъ извѣстное количество преступниковъ, и количество это настолько опредѣленно, что правительство имѣетъ возможность заранѣе опредѣлить необходимое число тюремъ или исправительныхъ домовъ, и никогда при нормальномъ теченіи жизни число преступниковъ не возрастаетъ и не можетъ возрасти неожиданно настолько, чтобы тюремъ не оказалось вдвое напр. меньше противъ потребности, или вдвое больше противъ потребности, такъ чтобы можно было половину ихъ употребить на другія цѣли, напр. на школы. Тоже самое и съ вопросомъ о бракѣ. Число ихъ изъ года въ годъ при нормальномъ теченіи жизни повторяется съ поразительною правильностью, такъ что духовенство, извлекающее отъ ихъ совершенія наибольшій доходъ (не опредѣленный притомъ никакими таксами, а совершенно зависящій отъ личной щедрости брачущихся), всегда можетъ разсчитывать на опредѣленный доходъ и заранѣе составлять свой домашній бюджетъ, занося цифру этого дохода какъ вполнѣ обезпеченную [1]). Но ни въ томъ, ни въ

---

[1]) Одно почтенное духовное лицо (законоучитель одной изъ гимназій въ С.-Петербургѣ) сообщило намъ любопытный въ этомъ отношеніи фактъ изъ своей практики. Состоя при безприходной церкви въ столицѣ и слѣдовательно вполнѣ зависящей въ своихъ богомольцахъ отъ случайныхъ условій, о. законоучитель тѣмъ не менѣе вполнѣ выяснилъ себѣ свой доходъ отъ этихъ богомольцевъ не только въ общей суммѣ, но даже и въ частностяхъ, такъ что заранѣе можетъ съ поразительною точностью опредѣлять тѣ или другія статьи своего дохода. Напр., онъ вполнѣ увѣренъ, что за освященіе куличей и пасокъ въ первый день

другомъ случаѣ статистика не даетъ никакого основанія къ отрицанію свободы воли человѣка: въ данныхъ случаяхъ она показываетъ намъ состояніе соціальныхъ фактовъ, имѣетъ дѣло съ соціальными единицами, которыя какъ таковыя, находясь подъ ограничивающими условіями соціальнаго склада, конечно несвободны и живутъ въ области необходимости; но эти соціальныя единицы не есть личности, а именно отвлеченныя числа; личная же жизнь человѣка статистикой совершенно не затрогивается и остается ей недоступной. Поэтому-то статистика и ограничивается именно общими числами, не входя въ разсмотрѣніе частностей, и это совершенно понятно, потому что въ этихъ частностяхъ, т. е. въ личностяхъ она встрѣчается съ неподлежащими никакой регламентаціи фактомъ личной свободы воли. Такъ, напередъ предсказывая, что общество дастъ въ наступившемъ году столько-то преступниковъ, статистика только и ограничивается этимъ общимъ числомъ, но никогда и ни въ какомъ случаѣ не въ состояніи указать, кто же будутъ эти преступники какъ личности, будутъ ли этими преступниками Иванъ, Василій или Петръ. Такое предсказаніе для нея рѣшительно недоступно, и именно потому, что здѣсь она встрѣчается уже не съ соціальными фактами, а съ живою личностью, свободно располагающею своими дѣйствіями. Изъ двухъ личностей, находящихся совершенно въ одинаковыхъ внѣшнихъ условіяхъ, одна можетъ совершить преступленіе, а другая остаться невинною, и чтобы понять этотъ фактъ, необходимо заглянуть въ душу этихъ личностей, что совершенно недоступно статистикѣ, и только душа ихъ и покажетъ, почему произошла такая разница между ними. На этомъ именно основывается отношеніе суда къ преступникамъ. Какъ соціальныя единицы, т. е. безличныя особи, оба преступника одинаково жертвы соціальнаго недуга и поэтому неотвѣт-

---

Пасхи онъ получитъ непремѣнно 14 р. съ коп., и заранѣе распредѣляетъ этотъ мелкій доходъ въ качествѣ праздничныхъ наградъ разнымъ слугамъ по дому и по заведенію, и дѣйствительность съ поразительною точностью оправдываетъ его разсчетъ: куличи даютъ ему непремѣнно 14 р. съ коп.,—ни болѣе ни менѣе изъ года въ годъ...

ственны за свои преступленія. Но судъ не ограничивается подобнымъ безличнымъ обсужденіемъ факта: онъ подвергаетъ обсужденію эти единицы какъ личности, заглядываетъ имъ въ душу, оцѣниваетъ тѣ побужденія, которыми руководились онѣ въ совершеніи преступленія, и тогда уже произноситъ свой справедливый приговоръ, по которому одинъ преступникъ будетъ осужденъ, а другой быть можетъ оправданъ, потому что послѣдній дѣйствительно могъ быть до извѣстной степени жертвой соціальнаго недуга, а другой вполнѣ дѣйствовалъ какъ свободная личность, слѣдовательно какъ личность, взявшая на себя всю отвѣтственность за совершенный актъ. Но даже и оправдательный приговоръ въ сущности не есть безусловно справедливый, если только онъ имѣлъ дѣло съ самосознающею личностью, а не съ какимъ либо болѣзненнымъ автоматомъ. Соціальная среда могла смягчить виновность, но не изгладить ее, и оправданный въ такомъ случаѣ субъектъ есть ходячая опасность для общества, потенція для повторенія того же преступленія. Такимъ образомъ статистика нисколько не доказываетъ отсутствія свободы воли въ личности, которая и есть факторъ историческаго развитія, а доказываетъ только отсутствіе свободы воли въ соціальныхъ фактахъ, которые по самому существу не могутъ быть свободными какъ неличности. Статистика въ своей области устанавливаетъ лишь тотъ несомнѣнный фактъ, что въ соціальной жизни происходитъ поразительное сочетаніе свободы съ необходимостью, опять та премудрость, которая есть Премудрость Божія, умѣющая совмѣщать свободу воли съ законами необходимости, а вслѣдствіе этого направлять все къ опредѣленной цѣли, не посягая на свободу или самоопредѣленіе личности. Такое совмѣщеніе свободы съ необходимостью и есть высшая гарантія правильности соціальной или государственной жизни. Не будь этого совмѣщенія, никакое правительство не въ состояніи было бы разумно управлять извѣстнымъ государствомъ: свободныя личности не поддавались бы никакой регламентаціи и разрушали бы всякія попытки на предусмотрѣніе. Но благодаря этому мудрому совмѣщенію, правительство, предоставляя личности свободу самоопредѣленія какъ личности, можетъ подводить соціальные факты подъ опредѣленныя категоріи, имѣетъ въ своемъ распоряженіи твер-

дыя цифры, выражающія собою движеніе жизненныхъ силъ въ государственномъ организмѣ, напередъ знаетъ, сколько этотъ организмъ произведетъ добра и зла, какой дастъ доходъ и сколько потребуетъ расхода, и пользуясь этими данными, можетъ спокойно направлять корабль государства къ предназначенной ему цѣли, хотя бы эта цѣль и не всегда совпадала съ частными цѣлями отдѣльно взятыхъ личностей [1]).

Если такое примиреніе между свободой и необходимостью возможно уже въ естественныхъ отношеніяхъ между личностью и государствомъ, между единичной волей и волей коллективной, то тѣмъ болѣе оно мыслимо въ высшемъ порядкѣ, въ отношеніяхъ между личностями и Промысломъ, и съ указанной точки зрѣнія рука Промысла, направляя человѣчество къ предназначенной ему цѣли, нисколько не становится въ противорѣчіе съ частными цѣлями отдѣльныхъ личностей, и не только индивидуальныхъ, но и коллективныхъ. Что касается индивидуальныхъ личностей, то это отношеніе понятно само собою изъ того, что Промыслъ дѣйствуетъ какъ нравственная, самоограничивающаяся сила, слѣдовательно попускающая свободѣ личнаго человѣка проявляться въ полномъ самоопредѣленіи, даже до противленія Промыслу и полнаго его отрицанія, какъ это и показываютъ часто встрѣчающіеся факты личностей, дерзко и безнаказанно выступающихъ съ отрицаніемъ Бога и всякаго нравственнаго міроправленія. Но уже гораздо больше и замѣтнѣе подчинены закону всемогущества коллективныя личности, какъ народы, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою отличительную волю, направляющуюся къ опредѣленной цѣли, отличной отъ цѣлей другихъ народовъ и находящей въ нихъ огра-

---

[1]) Этотъ законъ соотношенія свободы съ необходимостью служитъ единственной гарантіей правильности всѣхъ общественныхъ предпріятій, не опирающихся на принудительность. Благодаря ему торговецъ въ состояніи разсчитывать на извѣстный оборотъ въ торговлѣ, желѣзныя дороги на извѣстное количество пассажировъ, редакціи газетъ на извѣстное число читателей, почтамтъ на извѣстное число писемъ и посылокъ и такъ далѣе. Не будь этого соотношенія, не возможно было бы никакое правильное веденіе общественнаго дѣла.

ниченіе. Каждый отдѣльный народъ или государство, господствуя надъ волями своихъ членовъ, въ тоже время въ своей коллективной волѣ подчиняется высшей волѣ другихъ государствъ, на чемъ и основывается законъ международной политики. Въ своихъ стремленіяхъ каждый народъ долженъ сообразоваться не только съ тѣмъ, чего онъ хочетъ самъ, но и съ тѣмъ, чего хотятъ другіе народы, которые тѣмъ самымъ ограничиваютъ его и такъ сказать подчиняютъ своей высшей волѣ, хотя это и не подрываетъ принципа національнаго самоопредѣленія. Если же народы подчиняются высшей такъ сказать всечеловѣческой волѣ безъ отреченія отъ своей національности въ естественныхъ международныхъ отношеніяхъ, то тѣмъ болѣе это отношеніе мыслимо между народами и Промысломъ. Насколько народы болѣе подчинены всеуправляющей волѣ Промысла, ясно показываетъ тотъ фактъ, что національная воля уже не въ состояніи доходить до отрицанія Промысла, и исторія не знаетъ народа, который бы какъ народъ отрицалъ существованіе Бога или высшаго нравственнаго міроправленія, хотя и можетъ заблуждаться въ пониманіи его [1]). Наконецъ все человѣчество уже вполнѣ подчинено волѣ Промысла, такъ что его воля совпадаетъ съ волей Бога, откуда и вышло извѣстное заблужденіе, приведшее къ боготворенію человѣчества.

Изъ изложеннаго такимъ образомъ видно, какую чудесную цѣпь взаимосоподчиняющихся цѣлей представляетъ собою человѣчество въ его различныхъ подраздѣленіяхъ—отъ личности до цѣлаго его организма. Каждая изъ его частей живетъ по своимъ особымъ законамъ, при чемъ, начиная отъ личности, совершается постепенное ограниченіе свободы воли, пока она во всемъ человѣчествѣ не совпадаетъ съ волей Божества. Но это ограниченіе совершается именно по предустановленному порядку Промысла, и въ немъ-то именно и проявляется высшая премудрость Промышленія, чудесно примиряющая частные интересы съ общими и все направ-

---

[1]) Язычество, напр., не есть отрицаніе Бога, а лишь неправильный взглядъ на Него. Отверженіе евреями Христа также есть не отрицаніе воли Бога, а непониманіе ея («не вѣдятъ бо, что творятъ»...).

ляющая къ одной высшей цѣли, которая есть высшее благо для всѣхъ. Съ такой точки зрѣнія удобно разъясняется и трудность, представляемая вопросомъ о предопредѣленіи. Богъ предопредѣлилъ спасти человѣчество чрезъ Сына своего Единороднаго, и эта цѣль вполнѣ достигается въ отношеніи къ человѣчеству какъ къ цѣлому. Но предопредѣленіе не обнимаетъ всѣхъ личностей, какъ индивидуальныхъ или коллективныхъ волей, которыя какъ такія могли принять и не принять даръ искупленія, и такъ какъ многія изъ нихъ по своей свободной волѣ дѣйствительно не приняли его, и возможность этого предусмотрѣна божественною мудростью, то и явился фактъ необходимости осужденія многихъ, предопредѣленныхъ къ осужденію, вслѣдствіе именно предусмотрѣнія божественной мудрости [1]).

Выясненнымъ порядкомъ отношеній, въ которыхъ стоятъ отдѣльныя личности, народы и все человѣчество между собою и къ Промыслу, опредѣляется планъ всемірноисторическаго развитія во всѣхъ его подробностяхъ. Этотъ планъ есть именно стройная цѣпь

---

[1]) Непониманіе такого отношенія между Промысломъ и человѣчествомъ часто приводитъ къ неправильному толкованію самаго смысла предопредѣленія, будто бы совершенно исключающаго идею свободнаго содѣйствія человѣка въ дѣлѣ спасенія. Этого недостатка не избѣгла и прекрасная вообще статья князя Трубецкого въ журналѣ «Вопросы философіи и психологіи» (кн. 10) подъ заглавіемъ: «Философія христіанской теократіи въ V вѣкѣ», см., наприм., стр. 142, 143, гдѣ излагается ученіе бл. Августина о предопредѣленіи. На истинное разумѣніе идеи предопредѣленія могла бы навесть автора и сдѣланная имъ выдержка изъ бл. Августина, гдѣ говорится, что Богъ *предвидѣлъ* (т. е. предопредѣлилъ) *не дѣла наши*, имѣющія предшествовать, а *будущія свои дѣла*»; т. е. Онъ предопредѣлилъ конечныя цѣли, а не свободу отдѣльныхъ личностей, подобно тому какъ соціальная статистика предопредѣляетъ извѣстное количество преступниковъ, но не лично каждаго изъ нихъ. Что бл. Августинъ не отрицаетъ свободы воли человѣка, это доказывается многими мѣстами его твореній. См., напр., о Градѣ Божіемъ V, 9 и 10. Если же и встрѣчаются по мѣстамъ выраженія, какъ-бы противорѣчащія этому, то при разсмотрѣніи ихъ не нужно упускать изъ вида основного правила, по которому при разсмотрѣніи древнихъ системъ, въ виду невыработанности въ нихъ строгой философской терминологіи, нужно обращать вниманіе не только на то, что̀ дѣйствительно говоритъ древній авторъ, но и главнымъ образомъ на то, что онъ *хочетъ сказать*.

взаимосоподчиняющихся цѣлей, вполнѣ проявляющихъ премудрость и благость Божію въ исторіи. Все въ этомъ планѣ предустановлено такъ, что безконечноразнообразныя части его, повидимому даже идущія противъ основной идеи плана, въ дѣйствительности содѣйствуютъ его гармоніи и чудесному осуществленію его въ цѣломъ. Конечно, вполнѣ постигнуть этотъ дивный планъ во всей его полнотѣ при теперешней ограниченности нашего знанія невозможно, и безумно заявлять притязаніе на это, когда нашъ разумъ не можетъ постигнуть вполнѣ даже міра физическаго, при изученіи котораго онъ постоянно наталкивается на непостижимыя тайны бытія, между которыми первое мѣсто занимаютъ такіе предметы, какъ матерія и сила. Если и здѣсь разумъ долженъ ощупью ходить среди тайнъ, окружающихъ его на каждомъ шагу, то тѣмъ болѣе это естественно въ мірѣ исторіи, гдѣ дѣйствуютъ не одни только законы необходимости, но гдѣ умъ встрѣчается и съ таинственнѣйшими изъ тайнъ бытія, каковыми несомнѣнно являются дѣйствія свободныхъ существъ, свободно дѣйствующихъ въ мірѣ необходимости. Но тѣмъ не менѣе, даже при всей ограниченности нашего знанія планъ всемірноисторическаго развитія съ достаточностью опредѣляется для того, чтобы въ немъ усмотрѣть указанную выше гармонію отношеній между проявленіями свободы и необходимости, примиряющимися на общей идеѣ Промысла.

Всемірная исторія представляетъ массу примѣровъ, подтверждающихъ эту теорію взаимосоподчиненія цѣлей, какъ сущности историческаго процесса. Мы часто видимъ въ исторіи, какъ отдѣльныя личности, ставя себѣ частныя цѣли, употребляютъ на достиженіе ихъ всѣ свои усилія, думая, что они достигаютъ ихъ только для самихъ себя, чтобы пользоваться эгоистическимъ самоуслажденіемъ, даже во вредъ другимъ; и дѣйствительно достигаютъ этихъ цѣлей. Но когда послѣдующій историкъ получаетъ возможность взглянуть на тотъ же предметъ съ высшей точки зрѣнія, то онъ, имѣя предъ своими глазами болѣе широкій историческій кругозоръ, видитъ, что сами эти личности несознательно дѣйствовали подъ вліяніемъ посторонніхъ для нихъ побужденій и, достигая своихъ цѣлей, тѣмъ самымъ содѣйствовали лишь достиженію другихъ цѣлей, имѣю-

щихъ великое историческое значеніе для цѣлаго народа или человѣчества. Въ самомъ дѣлѣ возьмемъ уже приводившійся примѣръ братьевъ Іосифа. Лично они одушевлены были одною цѣлію—отдѣлаться отъ своего брата Іосифа, любовь къ которому со стороны ихъ престарѣлаго отца возбуждала въ нихъ неукротимую зависть. И они дѣйствительно достигли своей цѣли, когда продали бѣднаго юношу измаильтянамъ, которые конечно въ свою очередь стремились перепродать его подороже въ другія руки. Цѣль тѣхъ и другихъ была вполнѣ достигнута: братья навсегда отдѣлались отъ ненавистнаго имъ брата, который, какъ и естественно было ожидать, навсегда затеряется въ морѣ житейскихъ интересовъ; въ свою очередь измаильтяне выгодно перепродали купленнаго ими юношу на берегахъ Нила и слѣдовательно тоже достигли своей цѣли. Ни тѣ, ни другіе не сознавали, что они достиженіемъ своихъ цѣлей содѣйствовали какой-то высшей цѣли, а въ частности для братьевъ эта высшая цѣль была даже и нежелательна, если бы даже они и сознавали ее. Проявивъ крайнее безчеловѣчіе къ своему брату, они болѣе всего конечно желали, чтобы уже никогда не встрѣчаться съ нимъ, а тѣмъ менѣе въ такихъ условіяхъ, при которыхъ они оказались бы въ зависимости отъ него. А между тѣмъ все такъ именно и случилось. Продавая Іосифа измаильтянамъ, они несознательно исполняли высшую волю Промысла, который направлялъ свой избранный родъ въ Египетъ, чтобы тамъ онъ, воспитавшись въ нѣдрахъ самаго цивилизованнаго народа въ мірѣ (притомъ безъ опасенія слиться съ нимъ, потому что египтяне сильно чуждались всѣхъ другихъ народовъ какъ нечистыхъ), могъ возрасти въ цѣлый народъ, чтобы затѣмъ занять свое всемірноисторическое положеніе въ человѣчествѣ въ качествѣ свѣта для него. Конечно, Богъ, какъ всемогущій распорядитель судебъ лицъ и народовъ, могъ достигнуть этой цѣли и прямо, — повелѣвъ напр. Іакову переселиться въ Египетъ. Но тогда всемогущество Божіе дѣйствовало бы прямо подавляющимъ образомъ и историческій процессъ былъ бы просто механическимъ. Между тѣмъ въ дѣйствительности событіе совершилось такъ, что въ немъ частныя человѣческія цѣли, достигаемыя собственнымъ самоопредѣленіемъ человѣка, привели къ

высшей цѣли совершенно свободно, и потому историческій процессъ въ данномъ случаѣ получаетъ характеръ нравственный. А такой только процессъ и можетъ быть названъ вполнѣ историческимъ, въ отличіе отъ процесса механическаго — въ неодушевленномъ или одушевленномъ, но не разумномъ мірѣ. Превосходство нравственнаго процесса надъ механическимъ заключается въ томъ, что онъ именно представляетъ изъ себя систему воспитанія. Вѣдь сущность и задача воспитанія въ томъ и состоитъ, чтобы, предоставляя человѣку уклоняться отъ высшей цѣли, тѣмъ самымъ предоставлять ему возможность опытомъ познавать результаты своихъ дѣйствій, а въ концѣ концовъ, приводя человѣка къ опредѣленной цѣли, давать ему полную возможность оцѣнить свои предшествовавшія дѣйствія съ высшей нравственной точки зрѣнія и такимъ образомъ подвергнуть ихъ безпристрастному суду и собственной совѣсти и исторіи. Можно себѣ представить, какой великій урокъ вынесли братья Іосифа изъ всѣхъ перипетій ихъ встрѣчи съ своимъ нѣкогда проданнымъ братомъ, когда онъ явился предъ ними въ качествѣ великаго властелина могущественной монархіи, какъ громко говорила въ нихъ совѣсть, воспроизводя предъ ними нѣкогда содѣянное ими злодѣяніе: не даромъ они и послѣ опасались, какъ бы Іосифъ не вздумалъ отомстить имъ (Быт. L, 15) за причиненное ему нѣкогда зло. Но Іосифъ въ своемъ отвѣтѣ имъ торжественно выразилъ принципъ историческаго процесса съ высшей провиденціальной точки зрѣнія, когда сказалъ имъ: „Не бойтесь; ибо я боюсь Бога. Вотъ, вы умышляли противъ меня зло; но Богъ обратилъ это зло въ добро, чтобы сдѣлать то, что теперь есть: сохранить жизнь великому числу людей“ (ст. 19, 20). Послѣднее выраженіе имѣетъ особенно знаменательный смыслъ: продавая Іосифа, братья тѣмъ самымъ совершали нѣчто въ родѣ убіенія его — по крайней мѣрѣ для себя и отца; а между тѣмъ это безкровное убійство въ концѣ концовъ привело къ тому, что чрезъ него спасена была жизнь не только самихъ братьевъ во время голода, но и жизнь цѣлаго народа въ Египтѣ—во время знаменитаго семилѣтняго голода.

Конечно, чтобы могъ быть достигнутъ этотъ великій резуль-

татъ, долженъ былъ совершиться цѣлый рядъ промежуточныхъ событій, которыя съ извѣстной точки зрѣнія кажутся совершенно случайными. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ показаться случайнымъ, что когда братья раздумывали, какъ имъ отдѣлаться отъ Іосифа, на горизонтѣ показался караванъ измаильскихъ купцовъ, который и навелъ братьевъ на мысль воспользоваться этимъ случаемъ. Случайно повидимому измаильтяне продали Іосифа придворному сановнику Потифару, въ домѣ котораго ему пришлось встрѣтиться съ сомнительной нравственности госпожей, которая притомъ послѣ извѣстной неудачи въ достиженіи своей цѣли оклеветала невиннаго юношу и конечно съ чисто безсердечною злобою обманувшейся въ своихъ низкихъ разсчетахъ женщины настояла на томъ, чтобы Потифаръ подвергъ его безпощадному наказанію, лишивъ свободы чрезъ заключеніе въ тюрьму. Все это повидимому случайно, и съ простой человѣческой точки зрѣнія тутъ нѣтъ ничего провиденціальнаго. Но, какъ говоритъ Боссюэтъ, то, что въ нашихъ глазахъ есть случай, въ дѣйствительности есть предначертаніе высшаго Разума [1]). И дѣйствительно, если мы возьмемъ этотъ фактъ во всемъ его объемѣ, то увидимъ, какъ всѣ эти случайности составили изъ себя поразительную цѣпь фактовъ, необходимо приведшихъ къ той конечной цѣли, которая имѣлась въ виду. Вѣдь не покажись въ этотъ самый день измаильскій караванъ, озлобленіе братьевъ могло бы привесть и прямо къ убійству Іосифа. Затѣмъ продай измаильтяне Іосифа не Потифару, а какому нибудь заурядному египтянину, весь послѣдующій рядъ событій не совершился бы: Іосифъ не встрѣтился бы съ сластолюбивой госпожей, не ввергнутъ былъ бы въ привилегированную темницу, не встрѣтился бы тамъ съ подвергшимися немилости сановниками фараона, не истолковалъ бы имъ сновъ, о немъ не доведено было бы до свѣденія фараона, онъ не сдѣлался бы министромъ Египта, не сдѣлалъ бы хлѣбныхъ запасовъ во время урожаевъ и погибъ бы самъ во время наступившаго голода, а вмѣстѣ съ нимъ погибли бы его братья, его престарѣлый отецъ и масса еги-

[1]) Oeuvres de Bossuet, t. I, стр. 297.

петскаго народа. Если же все это случилось какъ разъ наоборотъ, то всѣ эти случайности ясно свидѣтельствуютъ, что въ основѣ ихъ дѣйствовала высшая Разумная сила, съумѣвшая примирить то, что на простой взглядъ кажется случаемъ, съ тѣмъ, что даже и на простой взглядъ уже оказывается разумною необходимостью. И эта сила конечно есть не что иное, какъ промыслительная воля Божія, все направившая къ предопредѣленной цѣли такимъ путемъ, который нисколько не затрогивалъ личнаго самоопредѣленія дѣйствовавшихъ въ этомъ сложномъ событіи людей. Утверждать послѣ этого, что здѣсь совершилась простая игра случайностей (какъ должна утверждать всякая теорія, не признающая идеи Промысла), значило бы утверждать, что изъ случайно взятой и брошенной на воздухъ глины можетъ когда нибудь случайно образоваться какое нибудь художественное скульптурное произведеніе.

При посредствѣ совершенно такого же ряда случайностей состоялось и освобожденіе выросшаго на берегахъ Нила избраннаго народа отъ рабства египетскаго. Въ самомъ дѣлѣ, народъ, который предназначался быть носителемъ великой истины искупленія для распространенія ея въ человѣчествѣ, видимо погибалъ въ Египтѣ: жестокій деспотизмъ фараоновъ изобрѣталъ все новыя и новыя тягости, чтобы подорвать силы молодого народа, сокрушить его жизненность и превратить въ своего вѣчнаго даровога раба. Изданъ былъ даже кровожадный законъ объ умерщвленіи всѣхъ новорожденныхъ мальчиковъ, и конечно только безнадежное отчаяніе Амрама и Іохаведы подсказало имъ мысль, положить своего новорожденнаго мальчика-сына въ корзинку и спустить ее въ рѣку въ чащу папируснаго камыша, — чтобы онъ, если уже погибать ему, лучше погибъ невѣдомою для нихъ смертью, чѣмъ быть убитымъ на глазахъ своихъ родителей. И конечно, этотъ бѣдный мальчикъ могъ погибнуть отъ многихъ смертей: онъ могъ быть залитъ водою, задохнуться въ пеленкахъ, могъ быть наконецъ пожранъ первымъ, случившимся по близости крокодиломъ; но ничего этого не случилось, а случилось то, что бѣдный мальчикъ найденъ былъ царскою дочерью, которая сжалилась надъ нимъ, усыновила его и дала ему блистательное образованіе, „посвятивъ его во всю мудрость

египетскую“ (Дѣян. VII, 22). А такъ какъ этотъ мальчикъ былъ никто иной, какъ Моисей, великій освободитель и законодатель народа, которому для совершенія своего великаго дѣла нужно было лично сталкиваться съ фараономъ и вести борьбу съ ученѣйшими жрецами и мудрецами Египта, то весь этотъ рядъ случайностей ясно обнаруживаетъ лежащую въ ихъ основа разумную волю, направлявшую все къ опредѣленной разумной цѣли. Эта разумность воли особенно ясно обнаруживается еще и въ томъ, что чудесное совпаденіе этихъ случайностей произошло не въ жизни кого-либо другого, а именно Моисея. И другіе родители на вѣрно прибѣгали ко всевозможнымъ способамъ для спасенія жизни своихъ новорожденныхъ малютокъ, но ни одинъ изъ нихъ не былъ усыновленъ дочерью фараона; да если бы даже кто-нибудь изъ нихъ и былъ усыновленъ или вообще какимъ нибудь образомъ принятъ при дворѣ, то все-таки, не обладая несокрушимою самобытностью геніальной натуры Моисея, онъ легко превратился бы въ честолюбиваго царедворца, для котораго личные интересы были бы выше всего на свѣтѣ, сталъ бы стыдиться своего происхожденія отъ жалкаго и презираемаго всѣми народа, вполнѣ отрекся бы отъ него и конечно изъ него вышелъ бы придворный льстецъ или великосвѣтскій нуль, а не великій избавитель народа и мудрѣйшій законодатель въ мірѣ. Если и здѣсь дѣйствовалъ простой случай, а не премудрый Разумъ, умѣющій изъ случайнаго калейдоскопа фактовъ создавать стройный планъ міроправленія,—то предполагать это, значитъ предполагать, что отъ случайнаго вулканическаго сотрясенія гранитныхъ горъ можетъ случайно образоваться Исаакіевскій соборъ...

Мы беремъ эти примѣры изъ Библейской исторіи, потому что эта исторія ярче изображаетъ пути Промысла Божія въ судьбахъ человѣка, чѣмъ исторія всякаго другого народа. Но параллельные факты можно указать и изъ исторіи другихъ народовъ. При этомъ прежде всего нужно замѣтить, что дѣйствіе Промысла отнюдь не ограничивается только избраннымъ народомъ. Оно простирается и на все человѣчество, хотя и не въ одинаковой степени. Какъ солнце, освѣщая всю землю, однакоже на однѣ страны изливаетъ

всю свою согрѣвающую и озаряющую силу, а другимъ предоставляетъ пользоваться только отраженіемъ слабыхъ и косвенныхъ лучей, такъ и Промыслъ Божій распространяетъ свое руководящее дѣйствіе не одинаково, а по мѣрѣ того, насколько извѣстный народъ стоитъ ближе къ центру духовной истины, къ солнцу религіозной правды, не оставляя однакоже безъ высшей помощи въ дѣлѣ достиженія высшаго блага ни одинъ народъ въ исторіи человѣчества. Здравая богословская мысль никогда не отрицала того положенія, что и языческіе народы, отпавшіе отъ истиннаго Бога и служившіе въ своей слѣпотѣ идоламъ, не были окончательно оставлены Богомъ, и Промыслъ велъ также и ихъ, хотя и иными путями, путями заблужденія, къ общей цѣли человѣчества. Различіе между ними и избраннымъ народомъ состояло лишь въ томъ, что языческіе народы, какъ самовольно отпавшіе отъ Бога, были болѣе предоставлены самимъ себѣ, чтобы до конца обнаружить то, къ чему можетъ привести богоотступничество, чтобы до дна испить горькую чашу своихъ грѣховныхъ страстей, опытомъ познать всю безпомощность человѣка въ состояніи его богооставленности, и вслѣдствіе этого самосознательно и съ чувствомъ глубокаго нравственнаго раскаянія опять придти къ исканію собственнымъ разумомъ того Бога, который нѣкогда былъ отвергнутъ имъ. И вся исторія древняго языческаго міра представляетъ поразительное доказательство этого. Отличительная особенность этого міра заключалась именно въ томъ, что это былъ міръ чисто человѣческаго развитія. Онъ состоялъ изъ народовъ, которые отвергли вѣру въ истиннаго Бога, въ своей гордости порѣшили жить безъ Бога, полагая, что собственныхъ человѣческихъ силъ вполнѣ достаточно для осуществленія цѣлей земной жизни. Такъ какъ вслѣдствіе этого имъ приходилось полагаться только на самихъ себя и на свою самодѣятельность, то отсюда среди нихъ именно впервые началась культура въ смыслѣ борьбы человѣка съ природой и ея силами. Типическими представителями такого культурнаго поколѣнія были Каинъ до потопа и Хамъ послѣ него. Какъ люди, отрѣшившіеся отъ всѣхъ возвышенныхъ идеаловъ жизни, они, а за ними и всѣ происшедшіе отъ нихъ народы стали жить только для себя, для своихъ зем-

ныхъ цѣлей. Эгоизмъ личный или національный сдѣлался ихъ богомъ, которому они и служили отъ всего сердца. Вся исторія древнеязыческаго міра представляетъ именно служеніе этому личному или національному эгоизму. Мы постоянно видимъ, съ какою настойчивостью древнеязыческіе народы стремятся достигнуть своихъ земныхъ цѣлей, удовлетворить свои земныя потребности, во всей полнотѣ развить свои силы и достигнуть того, что̀ они признавали своимъ національнымъ назначеніемъ. Египтяне съ изумительною настойчивостью развивали свою чистоматеріальную культуру и не щадили милліоновъ жизней, чтобы создать тѣ поразительные памятники человѣческаго трудолюбія, которые подъ названіемъ пирамидъ и доселѣ составляютъ предметъ удивленія народовъ. Ассиріяне съ такою же настойчивостью вели безпощадныя войны, подчиняя себѣ силою оружія народы западной Азіи. Финикіяне всю силу своего національнаго генія употребляли на развитіе торговли и изъ золота сдѣлали того тельца, который былъ для нихъ главнымъ божествомъ. Греки, отличаясь съ природы чувствомъ красоты и даромъ умозрѣнія, развивали этотъ свой идеалъ, съ презрѣніемъ относясь ко всѣмъ другимъ народамъ какъ къ варварамъ, недостойнымъ названія людей. Римляне всю цѣль жизни видѣли въ завоеваніи и на осуществленіе ея потратили весь свой національный геній, не щадя никакихъ жертвъ. Каждый изъ нихъ (равно какъ и каждый изъ другихъ не перечисленныхъ народовъ) всѣми силами стремился къ удовлетворенію только своихъ національныхъ цѣлей, полагая, что это удовлетвореніе и есть конечная цѣль ихъ бытія. О томъ, чтобы каждый народъ кромѣ своихъ національныхъ цѣлей имѣлъ еще и миссію общечеловѣческую, что каждый изъ нихъ долженъ былъ работать и на все человѣчество, объ этомъ древніе народы не имѣли и понятія, и самая мысль была чужда имъ. Хотя у нѣкоторыхъ философовъ по временамъ и проглядывала идея братства народовъ, но она не имѣла никакого практическаго значенія и фактически попиралась самими же философами [1]). Та-

[1]) Это раздвоеніе замѣтно даже у Сократа и Платона. См. о нихъ у Laurent, La Grèce (Histoire du droit, t. II).

кимъ образомъ вся исторія этихъ народовъ по самому ея характеру должна представлять лишь картину разрозненныхъ цѣлей, постоянно сталкивающихся между собою и взаимноподавляемыхъ—въ чисто эгоистическихъ разсчетахъ. Борьба за существованіе, самая безпощадная и часто ужасная, была главнымъ движущимъ мотивомъ ихъ жизни, и грубая сила торжествовала надъ всѣми лучшими и возвышенными задачами ея. Въ виду этого основнаго мотива можно бы ожидать, что древній міръ представитъ собою безотрадную картину взаимопожиранія народовъ, и вся его исторія закончится взаимоистребленіемъ, съ разрушеніемъ всего того, что могли бы выработать болѣе идеальные, но безсильные представители человѣчества. Но въ дѣйствительности, эта исторія вовсе не представляетъ такого безотраднаго хаоса. Напротивъ, мы видимъ, что хотя отдѣльные народы преслѣдовали исключительно свои національные интересы, однако въ тоже время каждый изъ нихъ несознательно трудился для какой-то высшей цѣли. Какая-то высшая воля незримо направляла ихъ, такъ, что они, работая по своему сознанію только для себя и достигая только своихъ цѣлей, въ тоже время работали для всего человѣчества и достигали его высшей идеальной задачи. Теперь уже не можетъ подлежать серьезному оспариванію тотъ фактъ, что вся исторія древняго міра представляла подготовленіе къ христіанству, и къ этой именно цѣли несознательно направлялись усилія народовъ. Ассиріяне напр., ведя свои кровожадныя войны, конечно имѣли въ виду только удовлетвореніе своей алчности и хищничества; но вмѣстѣ съ тѣмъ они же впервые силою оружія начали сближать и объединять между собою дотолѣ совершенно разрозненные народы, и въ этомъ отношеніи уже работали въ интересахъ человѣчества. Египтяне также вырабатывали матеріальную культуру и развивали свою мудрость конечно только для себя, вслѣдствіе чего даже всячески сторонились отъ всего окружающаго міра. Но эта культура однако сдѣлалась общечеловѣческимъ достояніемъ, такъ какъ окружающіе народы изъ алчности или зависти стремились воспользоваться ея плодами, грозные воители грабили Египетъ и увозили съ собою громадныя массы сокровищъ, которыя ложились въ основу матеріальнаго развитія ихъ собствен-

ныхъ странъ. Финикіяне вели торговлю изъ своихъ національныхъ интересовъ, а между тѣмъ, служа торговыми посредниками между отдаленными и отчужденными народами, они пролагали пути къ единенію между ними, сближали ихъ между собою, возбуждали соревнованіе въ производительности и содѣйствовали общему умственному развитію. Какое громадное значеніе для общечеловѣческой цѣли имѣли эти алчные и въ общемъ крайне недобросовѣстные торгаши (такою именно худою славою они пользовались у всѣхъ древнихъ народовъ), показываетъ тотъ фактъ, что эти именно торгаши впервые выработали (изъ египетскихъ или вавилонскихъ знаковъ, это еще нерѣшенный въ наукѣ вопросъ) алфавитъ, который легъ въ основу алфавитовъ всего цивилизованнаго міра. Сближеніе народовъ, начатое завоевателями и продолженное торгашами, нуждалось въ болѣе прочной основѣ, соотвѣтствующей болѣе благороднымъ стремленіямъ народовъ, и эта основа была выработана греками, которые, обладая высшимъ художественнымъ чутьемъ и силою философскаго мышленія, выработали выразительный, гармоничный и точный языкъ, способный выражать глубочайшіе оттѣнки мысли и чувства, и создали глубочайшую философію, способную обнимать самыя возвышенныя истины. Свои умственныя сокровища они вырабатывали только для себя, видя въ нихъ гордость и славу своего національнаго генія и считая другіе народы неспособными къ нимъ. Но этотъ національный эгоизмъ разрушенъ былъ Александромъ Великимъ, который, опять руководясь чисто національной задачей—отмстить персамъ, предпринялъ великій походъ въ Азію, и этотъ походъ имѣлъ громадное значеніе для распространенія эллинизма во всѣхъ его формахъ среди народовъ этого обширнаго материка. Греческій языкъ и греческая литература сдѣлались модными во всемъ образованномъ мірѣ и всякая мысль, воплощенная въ греческую форму, могла быстро становиться достояніемъ всего образованнаго, читающаго человѣчества по всему востоку. Оставался въ сторонѣ еще западъ, но и онъ скоро введенъ былъ въ общечеловѣчесую семью народовъ. Тамъ явился и съ чудесною быстротою развилъ необычайное могущество римскій народъ,—народъ, который выше всего на свѣтѣ ставилъ

внѣшній правовой порядокъ. А въ такомъ именно внѣшнемъ правовомъ порядкѣ теперь болѣе всего нуждался міръ, который достигъ высокой степени культуры, но не выработалъ общечеловѣческаго права и, подѣленный на неравныя политическія группы, велъ страшную самоистребительную войну. И вотъ римскій орелъ, сильно взмахнувъ своими могучими крылами, двинулся на завоеваніе міра, и чрезъ нѣсколько столѣтій разбойничій притонъ на берегу Тибра разросся въ міровую столицу. Всѣ народы, какъ цивилизованнаго востока, такъ и варварскаго еще запада, склонились предъ этимъ орломъ и подчинились введенному имъ повсюду правовому порядку, въ силу котораго прекратились всѣ взаимоистребительныя войны и повсюду водворился миръ. Введя въ предѣлы своего завоеванія Грецію, Римъ, подчинивъ ее своему оружію, самъ плѣнился ея культурой и такимъ образомъ пріобщился къ общечеловѣческой культурѣ. И вотъ, такимъ образомъ, изложеннымъ путемъ древній міръ пришелъ къ тому, что онъ весь объединенъ былъ и духовно и политически: всѣ прежде раздѣлявшія міръ грани, служившія препятствіемъ къ взаимообщенію народовъ, теперь были устранены; всякое слово на греческомъ языкѣ могло разноситься по всему міру и всякій проповѣдникъ, пользуясь правами римскаго гражданства, могъ безпрепятственно разъѣзжать по всѣмъ странамъ, пользуясь при этомъ великолѣпными военными дорогами на сушѣ и правильными рейсами кораблей на морѣ. Ясное дѣло, что только сознательная воля могла изъ хаоса международныхъ эгоистическихъ отношеній создать столь чудесныя условія для распространенія истины, и когда ложь собственно языческаго міросозерцанія была раскрыта философами, подорвавшими вѣру въ боговъ и произведшими въ народахъ духовную пустоту, которую они и жаждали заполнить истиной,— тогда-то именно въ отдаленномъ уголкѣ презираемой Іудеи родился Тотъ, Кто былъ истиной и свѣтомъ міру, и подготовленные народы съ благоговѣніемъ преклонились предъ Нимъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, какъ чисто національныя, эгоистическія цѣли отдѣльныхъ языческихъ народовъ древности послужили въ рукахъ высшей воли средствомъ приготовленія древняго

міра къ христіанству, какъ цѣли общечеловѣческой. Для осуществленія этой цѣли требовалось конечно множество всякихъ средствъ, и эти средства всегда оказывались въ высшей степени цѣлесообразными, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они повидимому должны бы имѣть какъ разъ обратное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, что повидимому общаго между войной, предпринимаемой изъ чисто-національнаго чувства мщенія, и объединеніемъ народовъ на почвѣ общей высокоразвитой культуры? А между тѣмъ, такой именно результатъ имѣлъ походъ греческаго героя въ глубь Азіи — противъ персовъ. Римляне прежде всего конечно руководились въ своей завоевательной дѣятельности жаждой властолюбія и алчностью,— мотивами, совсѣмъ непригодными для водворенія мира на землѣ; а между тѣмъ ихъ завоеванія привели къ объединенію всѣхъ народовъ подъ однимъ правовымъ порядкомъ, который дѣйствительно водворилъ миръ на землѣ. Такихъ примѣровъ можно бы указать множество, и они показываютъ, какъ высшая воля умѣетъ обращать на достиженіе своей цѣли даже совершенно противорѣчащія ей средства. Затѣмъ, въ самомъ процессѣ этого громаднаго подготовительнаго труда встрѣчаются моменты, когда вся судьба міра такъ сказать висѣла на волоскѣ, и случись что нибудь иначе, весь дальнѣйшій ходъ исторіи могъ бы, а по человѣческому разсужденію, и долженъ бы получить совершенно иное направленіе. Въ самомъ дѣлѣ — походъ Александра великаго въ Азію имѣлъ рѣшающее значеніе для торжества греческой культуры въ мірѣ; а между тѣмъ этого похода могло бы и не осуществиться, если бы не произошло одной ничтожной случайности, именно если бы въ 337 году во время своего брачнаго пиршества Филиппъ Македонскій не поскользнулся и не упалъ. Во время этого пиршества, какъ извѣстно, Филиппъ, раздраженный на своего уже взрослаго тогда сына Александра, бросился на него съ обнаженнымъ мечемъ и несомнѣнно закололъ бы его,—но отъ порывистаго движенія поскользнулся и упалъ, и этотъ случай спасъ жизнь величайшему герою въ мірѣ [1]). Но если эта ничтожная случайность спасла

[1]) См. W. Smith, History of Greece, p. 522.

для міра величайшаго генія, бывшаго столь необходимымъ для достиженія великой міровой цѣли, то другая случайность преждевременно отняла его у исторіи. Эта случайность была преждевременная смерть, скосившая его, какъ извѣстно, въ 32-лѣтнемъ возрастѣ, когда онъ, только что закончивъ свое завоеваніе міра, сталъ строить планъ основанія всемірной монархіи. Смерть его не разъ оплакивалась и древними и новыми историками, которые справедливо указывали на этого ужаснаго врага, весьма часто своей косой сражающаго людей въ тотъ именно моментъ, когда они, достигнувъ цѣли своей жизни, думаютъ воспользоваться плодами своихъ страшныхъ усилій. Не умри Александръ въ столь раннемъ возрастѣ, онъ конечно закончилъ бы предпринятое имъ дѣло, основалъ бы могущественную монархію, которую въ цѣлости передалъ бы своему преемнику. Вся послѣдующая исторія могла бы получить совершенно иное направленіе. Но смерть однимъ ударомъ разрушила всѣ возможности,—и если внимательно всмотрѣться въ ходъ историческихъ событій, то это было во всѣхъ отношеніяхъ къ лучшему для человѣчества. Въ самомъ дѣлѣ, если бы Александръ дѣйствительно основалъ всемірную монархію, то эта монархія, какъ состоящая главнымъ образомъ изъ странъ востока, по необходимости сдѣлалась бы деспотическою—съ ея обычнымъ произволомъ и недостаткомъ справедливости; даже если бы въ ней восторжествовалъ греческій элементъ, то и въ такомъ случаѣ въ ней во всей силѣ проявилась бы греческая неспособность къ политической организаціи и началась бы безконечная путаница политическихъ страстей, интригъ и соперничества между ея отдѣльными областями. Наконецъ, объединенный политически эллинизмъ по необходимости встрѣтился бы съ Римомъ, востокъ столкнулся бы съ западомъ, и отъ этого столкновенія двухъ великихъ завоевателей потрясліись бы основы міра и во время исполинской борьбы погибли бы многіе города и цѣлые народы. Всѣ эти бѣдствія были устранены одною случайностью—смертью Александра, и вслѣдствіе этого все случилось именно такъ, какъ и должно было случиться по плану историческаго движенія: грандіозный планъ

восточной всемірной монархіи рушился, преемники Александра подѣлили между собой великую добычу геніальнаго завоевателя, крайне ослабили себя, и чувствуя свое политическое и военное ничтожество, не задавались уже никакими завоевательными замыслами, а полагали свою честь въ томъ, что̀ и было несознательной, но главной задачей Александра, именно сдѣлались страстными поклонниками и распространителями греческой культуры, которую и водворяли повсюду. Когда же они такимъ образомъ закончили дѣло эллинизма, то Римъ могъ безъ всякаго труда, часто однимъ страхомъ своего имени ввести ихъ въ сферу своей всемірной монархіи съ ея правовымъ порядкомъ, долженствовавшимъ водворить на землѣ человѣческую справедливость, какъ подготовленіе къ явленію правды божественной. Наконецъ въ этомъ процессѣ былъ еще одинъ великій моментъ, когда судьба міра висѣла на волоскѣ. Это было въ 216 г., когда происходила борьба на жизнь и смерть между Римомъ и Карѳагеномъ. Карѳагенъ въ лицѣ своего военнаго генія Ганнибала видимо бралъ перевѣсъ, и Римъ стоялъ на краю гибели. Сдѣлай онъ еще одинъ шагъ, и Римъ погибъ-бы, а вмѣстѣ съ нимъ погибла бы и вся римская цивилизація; съ всемірно-историческаго поприща сметенъ былъ бы народъ-цивилизаторъ, водворившій по всей западной Европѣ начала своего права, которыми она въ значительной степени живетъ и доселѣ; полудикіе народы ея сдѣлались бы рабами Карѳагена, который внесъ бы въ нихъ разрушительный ядъ своей торговой эксплоатаціи, своей безчестной политики и своего безнравственнаго, развращающаго культа. Однимъ словомъ вся судьба западнаго міра измѣнилась бы въ корнѣ. Но этого не случилось,—и просто потому, что сами же карѳагеняне, въ своемъ непостижимомъ ослѣпленіи, изъ-за своихъ партійныхъ счетовъ не дали во́-время надлежащаго подкрѣпленія своему герою-побѣдителю, и тѣмъ самымъ спасли великаго западнаго цивилизатора, а себѣ вырыли историческую могилу. Поистинѣ, можно сказать съ Боссюэтомъ, что „Богъ съ высоты небесъ держитъ въ своихъ рукахъ бразды всѣхъ царствъ“, и когда Онъ хочетъ ниспровергнуть царство, то ослѣпляетъ мудрость человѣческую и

спутываетъ совѣты ея, такъ что народы сами неудержимо стремятся къ своей погибели [1]).

Но если и въ языческомъ мірѣ съ такою очевидностью давала о себѣ знать высшая воля, все направлявшая къ одной опредѣленной цѣли, подчиняя ей частныя цѣли отдѣльныхъ народовъ, то тѣмъ понятнѣе становится, что эта-же воля еще явственнѣе выступаетъ въ исторіи избраннаго народа. Идея избранности совершенно непонятна съ точки зрѣнія естественнаго разума, старающагося видѣть въ исторіи лишь процессъ естественныхъ силъ и случайностей, простой необходимой эволюціи. А между тѣмъ исторія представляетъ намъ дѣйствительный фактъ избраннаго народа, который, занимая совершенно особое положеніе въ мірѣ и даже среди своей собственной расы, будучи народомъ съ обыденной мірской точки зрѣнія совершенно незначительнымъ, не создавшимъ ни собственной культуры, ни собственной философіи, однакоже въ данный моментъ оказалъ на человѣчество такое вліяніе, предъ которымъ блѣднѣетъ вліяніе величайшихъ народовъ языческаго міра. Въ самомъ дѣлѣ, на обычный взглядъ это совершенно странный народъ. Онъ занималъ ничтожнѣйшій уголокъ на земномъ шарѣ, сторонился отъ всѣхъ окружающихъ народовъ, враждовалъ даже съ своими единоплеменниками, говорившими съ нимъ на одномъ и томъ же языкѣ (какъ моавитяне и др.), былъ предметомъ презрѣнія и поношенія у великихъ культурныхъ народовъ, которые не иначе смотрѣли на него, какъ на народъ злобный и человѣконенавистный, ни къ чему неспособный и преданный самымъ нелѣпымъ суевѣріямъ и гнусностямъ. Политически онъ (за исключеніемъ непродолжительнаго періода первыхъ трехъ царей) былъ такъ слабъ, что никогда не игралъ самостоятельной роли въ международныхъ отношеніяхъ, и всегда былъ лишь жалкой игрушкой въ рукахъ великихъ окружающихъ монархій,—буферомъ, за которымъ особенно любилъ укрываться хитрый фараонъ въ борьбѣ съ Ассиро-Вавилоніей, подводя его подъ тѣ грозные удары, которые предназначались для самого Египта. Это былъ народъ—какъ-бы насынокъ

[1]) Oeuvres, vol. I, p. 297, Discours, ч. III, гл. VIII.

исторіи, забитый судьбою. Всемірные завоеватели, съ презрѣніемъ относясь къ его ничтожеству, не удостоивали его даже своего высокомѣрнаго вниманія, и мимоходомъ давъ ему презрительный толчекъ съ той или другой стороны, нисколько не заботились объ устроеніи его судьбы, а напротивъ, когда оказывалось нужнымъ устранить его совсѣмъ, они весь уводили его въ плѣнъ, чтобы заселить имъ какіе нибудь необработанные пустыри и потопить его въ морѣ другихъ народностей. Римляне смотрѣли на іудеевъ какъ на отребіе человѣчества, и не считая ихъ пригодными даже быть полезными въ качествѣ рабовъ, съ презрѣніемъ за самую ничтожную плату отпускали тѣхъ плѣнниковъ, которыхъ привелъ въ Римъ Помпей. Однимъ словомъ — народъ, самое существованіе котораго на обыденный взглядъ было странной ошибкой исторіи,—въ родѣ той ошибки, какую иногда допускаетъ и природа, создавая какія нибудь во всѣхъ отношеніяхъ безполезные и поэтому лишніе виды живыхъ существъ (въ родѣ мухъ или комаровъ). Такъ смотритъ на него, да и не можетъ иначе смотрѣть простая теорія эволюціонизма, полагающая, что весь историческій процессъ есть результатъ слѣпой необходимости. И однакоже, стоитъ только взглянуть съ другой высшей точки зрѣнія,—съ той точки зрѣнія, по которой не только въ исторіи нѣтъ ничего лишняго и безцѣльнаго, но даже и волосъ съ головы не падаетъ напрасно, и то, что казалось страннымъ и безцѣльнымъ, получаетъ глубочайшій, поразительно цѣлесообразный смыслъ, озаряющій всю исторію человѣчества. Идея избранности съ этой точки зрѣнія является логически необходимымъ явленіемъ въ исторіи. Вѣдь если человѣчество должно было достигнуть своей цѣли, именно высшаго блага въ смыслѣ соединенія съ Богомъ, то оно во всякомъ случаѣ должно было имѣть среди себя зародышъ, изъ котораго логически могъ развиться планъ спасенія. Языческіе народы, какъ отпавшіе отъ Бога и забывшіе Его, по влеченію своихъ страстей и руководству своего извращеннаго разума, естественно имѣли тенденцію все дальше и дальше идти по тому же пути богоотчужденія и ихъ разумъ уже не въ состояніи былъ возсоздать себѣ потерянный положительный идеалъ высшаго блага, и только отрицательнымъ путемъ могъ при-

водить къ сознанію потребности въ немъ. Поэтому нужно было дать противовѣсъ этому грѣховному развитію, и онъ данъ былъ именно въ лицѣ избраннаго народа, который, будучи поставленъ посреди его и имѣя положительный идеалъ въ своихъ богооткровенныхъ книгахъ, въ своемъ божественномъ законѣ, могъ всегда служить живымъ изобличеніемъ языческаго заблужденія и такъ сказать свѣтящимъ маякомъ, указывавшимъ нормальный путь историческаго развитія. Избранный народъ, по удачному сравненію знаменитаго мыслителя-богослова, былъ тѣмъ же въ исторіи человѣчества, чѣмъ является с о в ѣ с т ь въ жизни каждаго отдѣльнаго человѣка,—именно скромнымъ свидѣтелемъ истины среди заблужденія языческаго міра [1]). Какъ совѣсть внутри человѣка постоянно возвышаетъ свой голосъ противъ нравственнаго заблужденія, противопоставляя ему законъ какъ норму развитія, такъ и избранный народъ долженъ былъ служить наглядными изобличителемъ тьмы языческаго заблужденія, вслѣдствіе чего онъ и былъ предметомъ ненависти и презрѣнія со стороны гордыхъ язычниковъ, невольно чувствовавшихъ въ немъ безмолвнаго обличителя ихъ неправды. Какъ такой, онъ былъ необходимымъ моментомъ историческаго воспитанія человѣчества, и вся исторія его удивительно приспособлена къ этой цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, самый уголокъ, обитаемый этимъ народомъ, былъ чудесно приспособленъ къ его исторической миссіи. Палестина по своему географическому положенію занимала какъ разъ центральное мѣсто среди древняго цивилизованнаго міра, почти въ буквальномъ смыслѣ представляя собою пупъ земной, и въ ея горныхъ ущельяхъ и долинахъ народъ могъ жить въ отчужденіи отъ всего окружающаго міра, хотя въ тоже время, когда настала пора для общенія съ этимъ міромъ, онъ лежалъ подъ рукою: тутъ же были и Египетъ съ своею многовѣковою мудростью, и Ассиро-Вавилонія съ ихъ поразительною культурою, и Финикія съ ея кораблями, готовыми вести проповѣдниковъ истинной вѣры хоть на край свѣта, и

---

[1]) M a r t e n s e n, Die christliche Dogmatik, Berlin, 1856, стр. 213, § 121. Ср. нашу «Библейскую Исторію при свѣтѣ нов. изслѣд. и открытій», т. II, стр. 676.

Грецiя съ ея богатѣйшей наукой и философiей. И вотъ поэтому, когда среди народовъ началось историческое движенiе къ взаимообщенiю, то каждый изъ нихъ волей или неволей, такъ или иначе долженъ былъ соприкасаться или сталкиваться съ этимъ народомъ и по необходимости знакомиться съ его жизнью и закономъ, съ его царями и его духовными выразителями - пророками, которые уже рано начали распространять свою дѣятельность за предѣлы Палестины. Уже Илiя и Елисей бывали въ окружающихъ странахъ, а Iона своею проповѣдью потрясъ гордыню даже высокомѣрной Ниневiи, предъ которою трепеталъ міръ. А когда языческiй міръ уже настолько изжилъ свои собственныя начала, что началъ чувствовать духовную пустоту, то избранный народъ долженъ былъ громко возвѣстить предъ нимъ сохранявшуюся имъ истину, и къ этой проповѣди міру приводили его самыя неожиданныя событiя, повидимому не имѣвшiя никакой связи съ проповѣднической миссiей. Конечно великiе ассиро-вавилонскiе воители, переселяя цѣликомъ покоренный ими презрѣнный народъ, не имѣли при этомъ въ виду никакихъ высшихъ цѣлей, кромѣ цѣлей своей политики и алчности; да и самъ завоеванный народъ видѣлъ въ своемъ политическомъ плѣненiи только гнѣвъ Божiй за свои многочисленныя прегрѣшенiя. Но въ дѣйствительности, все направлялось къ высшей цѣли и чудесно содѣйствовало ей. Настало время, когда языческiе народы должны были ближе познакомиться съ истинной религiей, и какъ разъ въ это время грозные воители начали своей могучей рукой разсѣевать избранный народъ по разнымъ странамъ, гдѣ онъ становился невольнымъ миссiонеромъ своей вѣры. Со времени плѣна вавилонскаго избранный народъ буквально становится народомъ всемiрнымъ, раскинувшимъ сѣть своего миссiонерства по всему цивилизованному міру и имѣвшимъ доступъ во всѣ сферы жизни—отъ бѣдной хижины поселянина и ремесленника до гордыхъ дворцовъ царей и кесарей. И такъ какъ повсюду уже начиналась чувствоваться та томительная духовнонравственная пустота, которая образовалась вслѣдствiе разрушенiя народныхъ языческихъ вѣрованiй со стороны безпощадной въ своей критикѣ философiи, изобличившей все ничтожество такъ называемыхъ боговъ,

то народы съ суевѣрнымъ страхомъ начали прислушиваться къ проповѣди страннаго народа, вѣровавшаго въ какого-то единаго, таинственнаго Бога. Когда геній Александра великаго объединилъ восточные народы на почвѣ греческаго языка и культуры, то этимъ самымъ подготовилъ возможность того, что греческій переводъ Библіи могъ сдѣлаться доступнымъ для всѣхъ тѣхъ, кто желалъ познакомиться съ вѣрою избраннаго народа въ ея первоисточникѣ. И когда они ознакомились, то къ изумленію своему нашли въ его вѣрѣ именно то, чего жаждала ихъ собственная душа,—идею личнаго, безконечно всемогущаго, всеправеднаго и безконечно любящаго Бога, безконечное сердце котораго способно обнять своею любовію весь міръ. И еще болѣе того. Древніе народы, потерявъ вѣру въ своихъ боговъ, потеряли и вѣру въ лучшее будущее. Они изнывали подъ томительною тяжестью нравственной пустоты и негодности, и самое мрачное отчаяніе томило душу даже величайшихъ мыслителей, которые наконецъ ни въ чемъ не видѣли болѣе спасенія отъ бѣдственности и пустоты земной жизни, какъ только въ самоубійствѣ [1]). И понятно, что среди этой самоубійственной безотрадности истинно сладостнымъ благовѣстіемъ прозвучала проповѣдуемая избраннымъ народомъ идея, что міръ еще не долженъ погибнуть, что скоро долженъ придти на землю самъ Богъ, чтобы освободить народы отъ тяготѣющаго на нихъ ига грѣховности и всѣхъ ихъ ввести въ свое царство, гдѣ не будетъ уже больше ни іудея ни эллина, ни раба ни свободнаго, а будетъ одно великое братство, основанное на правдѣ и любви. Вотъ почему съ чудесною быстротою разнеслась по всей Римской имперіи, отмѣченная даже римскими историками и поэтами, молва, что изъ ничтожной Іудеи возстанетъ великій царь, предъ которымъ повергнется въ ничтожество самъ кесарь. И тогда-то въ отвѣтъ на напряженное ожи-

[1]) Плиній младшій писалъ: «Изъ всѣхъ благъ, данныхъ человѣку природой, нѣтъ лучше благовременной смерти; а еще лучше то, что каждый можетъ самъ причинить ее себѣ» (idque in ea optimum, quod illam sibi quisque praestare poterit). Hist. Nat. XXVIII, 2.

даніе міра—дѣйствительно явился Христосъ, Спаситель міра, и Его явленіе было завершеніемъ всей исторіи древняго міра.

Такъ закончился историческій процессъ древняго міра, который, не смотря на всѣ уклоненія отъ предназначенной ему цѣли, въ концѣ концевъ въ обѣихъ своихъ половинахъ, стремившихся къ совершенно разнымъ цѣлямъ и шедшихъ по совершенно различнымъ дорогамъ, пришелъ къ одной и той же цѣли, которая именно и была цѣлію человѣчества и цѣлію Бога. Такъ-то дивны и неисповѣдимы пути Божіи. Эволюціонизмъ конечно можетъ возразить на это, что весь изложенный процессъ есть лишь субъективное построеніе разума, а не объективный планъ, и что пути Божіи потому и называются неисповѣдимыми, что они недоступны изслѣдованію конечнаго человѣческаго разума [1]). Но возраженіе это основывается на полномъ недоразумѣніи. Конечно пути Божіи неисповѣдимы и никакая философія исторіи не въ состояніи постигнуть всей глубины премудрости Промысла, часто дѣйствующаго въ исторіи по мотивамъ, скрытымъ отъ человѣка. Поразительный примѣръ этого представляетъ исторія Іова, который при всей своей праведности пережилъ рядъ страшныхъ испытаній и бѣдствій, не имѣвшихъ для себя никакого достаточнаго основанія въ глазахъ ни его самого, ни окружавшихъ его людей, такъ что послѣдніе, теряясь въ догадкахъ о причинѣ ихъ, пришли къ совершенно ложному убѣжденію, что Іовъ заслужилъ всей этой бѣдственности какимъ-нибудь тяжкимъ тайнымъ грѣхомъ. А между тѣмъ оказалось, что причина этой бѣдственности праведника лежала далеко за предѣлами логики человѣческихъ событій, въ тѣхъ высшихъ сферахъ, гдѣ царствуетъ вѣчная правда, сдѣлавшая праведника средствомъ торжества истины надъ исконною ложью [2]). И конечно, не будь открыто этой тайны, человѣческая логика такъ и потерялась бы въ безосновательныхъ догадкахъ. Но въ томъ-то и

---

[1]) Такое именно возраженіе противъ построенія плана исторіи съ точки зрѣнія Промысла выставляетъ проф. Н. И. Карѣевъ въ своихъ «Основныхъ вопросахъ философіи исторіи» т. I, стр. 484.

[2]) См. нашу «Библейскую Исторію при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій и открытій», т. I, стр. 139.

дѣло, что Промыслъ, ведя человѣчество къ опредѣленной цѣли, не скрываетъ этого водительства, а напротивъ — имѣя дѣло съ разумными, нравственно свободными существами, то и дѣло открываетъ имъ свою волю, давая ее уразумѣть чрезъ голосъ совѣсти, чрезъ особыхъ великихъ посланниковъ или великихъ людей, чрезъ поучительныя испытанія жизненнаго опыта. Никогда еще не было народа, который бы сознательно стремился ко злу или не старался уразумѣть высшей воли изъ испытаній своей жизни. Поэтому исторія для каждаго народа какъ книга опыта всегда служитъ источникомъ практической назидательности и уразумѣнія того, въ чемъ заключается высшее благо для народа и высшая цѣль его назначенія. Только на основаніи конечно исторіи римскій поэтъ съ такою поразительною мѣткостью охарактеризовалъ миссію римскаго народа, когда онъ сказалъ, что назначеніе его—„управлять народами“ [1]), и въ этомъ смыслѣ исторія была истиннымъ откровеніемъ божественной воли для римскаго народа, что и нашло себѣ блистательное подтвержденіе въ дѣйствительности. Съ такою же поразительною мѣткостью пророки опредѣляли миссію избраннаго народа — „быть свѣтомъ для народовъ“ [2]), и она также нашла себѣ оправданіе въ дѣйствительной судьбѣ этого народа. Если такимъ образомъ въ исторіи каждаго народа открывается высшая воля, указывающая ту цѣль, къ которой долженъ стремиться тотъ или другой народъ, а слѣдовательно опредѣляется и планъ его историческаго движенія, то уже по простой логикѣ выходитъ, что исторія всѣхъ народовъ вмѣстѣ взятыхъ можетъ и должна служить проявленіемъ или откровеніемъ высшей воли Промысла касательно цѣли стремленія всего человѣчества, а сообразно съ цѣлію опредѣляется и самый планъ. И планъ этотъ настолько ясенъ въ своихъ общихъ чертахъ, что не даромъ же онъ сдѣлался аксіомой въ исторической наукѣ, такъ что отъ него не могутъ освободиться

---

[1]) Tu regere imperio populos, Romane, memento,
Haec tibi erunt artes!
(Помни, римлянинъ, что властвовать надъ народами, —
Вотъ твое искусство!). Изреченіе Виргилія.

[2]) Исаіи XLII, 6; XLIX, 6.

въ своей исторической концепціи даже такіе умы, которые имѣютъ явный интересъ низвесть весь всемірноисторическій процессъ на почву чисто естественнаго и слѣдовательно случайнаго развитія человѣчества [1]). Если планъ, составляющій логическій выводъ изъ столь осязательныхъ историческихъ фактовъ, есть построеніе субъективное, то въ такомъ случаѣ можно отчаяться за всякую вообще логику и по меньшей мѣрѣ за возможность разграниченія между тѣмъ, что субъективно, и тѣмъ, что можетъ быть названо объективнымъ. И во всякомъ случаѣ эволюціонизмъ даже въ его урѣзанной формѣ, въ какой онъ является въ теоріи проф. Н. И. Карѣева, отнюдь не обезпечиваетъ большей объективности въ воззрѣніи на исторію, хотя онъ и отказывается отъ возможности построенія какого бы то ни было историческаго плана и даже не признаетъ никакихъ историческихъ законовъ [2]). Для всякаго непредубѣжденнаго разума, существованіе въ исторіи разумной всемогущей воли, все направляющей къ опредѣленной цѣли и повсюду проявляющей чудесную цѣпь приспособленныхъ средствъ къ достиженію предназначенныхъ цѣлей, имѣетъ гораздо болѣе реальное значеніе и слѣдовательно отличается болѣе объективнымъ характеромъ, чѣмъ предположеніе какого-то полусознательнаго тяготѣнія силъ по пути прогресса—къ достиженію какого-то недостижимаго равновѣсія силъ [3]).

Въ явленіи христіанства древній міръ нашелъ свое завершеніе. То, къ чему стремились языческіе народы несознательно, а избранный народъ сознательно—исполнилось. Состоялось соединеніе Божества съ человѣчествомъ и въ лицѣ Богочеловѣка явился какъ Искупитель грѣховнаго человѣческаго рода отъ ига смерти, такъ и совершеннѣйшій образецъ нравственности. Вмѣстѣ съ этимъ въ исторію внесенъ былъ новый факторъ, котораго не было въ древ-

---

[1]) Напр. даже Ренанъ въ своей Histoire du peuple Israel въ исторической концепціи роли израильскаго народа весьма близко соприкасается съ Боссюэтомъ, великимъ выразителемъ идеи промыслительнаго домостроительства въ исторіи человѣчества. См. введеніе въ I томѣ.

[2]) Основные вопросы, т. I, стр. 205 и сл.

[3]) Исторія и философское значеніе идеи прогресса, статья проф. Н. И. Карѣева, «Сѣверный Вѣстникъ», декабрь, 1891 г., стр. 65.

ности, — именно спасающая благодать, какъ сила, вліяющая на волю непосредственнымъ образомъ и ставящая человѣка на прямой путь къ сознательному достиженію ясно поставленной цѣли, достиженія царства Божія. Этотъ факторъ передвинулъ центръ тяжести въ сознаніи человѣка. Если прежде подъ давленіемъ ига грѣховности воля человѣческая имѣла больше наклонности къ отчужденію отъ Бога, то теперь въ ней стала преобладать наклонность къ соединенію съ Нимъ,—вслѣдствіе чего если въ древности избранный народъ былъ слабъ и ничтоженъ, теряясь почти среди необозримыхъ массъ народовъ языческихъ, то теперь христіанскій міръ, составляющій прямое продолженіе избраннаго народа, стоитъ во главѣ человѣчества, а дѣятельность его миссіонеровъ буквально обнимаетъ весь земной шаръ, рано или поздно долженствующій преклониться предъ Крестомъ. Но хотя центръ тяжести въ сознаніи новѣйшаго міра и передвинулся въ пользу болѣе дѣятельнаго стремленія человѣчества къ высшему благу, однако это нисколько не измѣнило общаго плана нравственнаго міроправленія, и какъ прежде, такъ и теперь человѣчество есть предметъ любящаго руководительства и воспитанія со стороны Промысла. Христіанинъ по сравненію не только съ язычникомъ, но и іудеемъ есть гораздо болѣе нравственнозрѣлая личность, вслѣдствіе чего и воспитательный пріемъ по отношенію къ ней долженъ былъ значительно измѣниться; но такъ какъ и въ этой зрѣлой личности остались слѣды прежняго разлада, плоть попрежнему воюетъ противъ духа и на каждомъ шагу искушенія подвергаютъ тяжкому испытанію даже освященную и искупленную свободу, то высшее воспитательное руководительство необходимо и теперь, и оно составляетъ такую же сущность историческаго процесса, какъ и прежде. И если мы окинемъ взглядомъ прожитые вѣка новѣйшей христіанской исторіи, то хотя этотъ міръ еще не законченный и слѣдовательно, не представляя конечныхъ результатовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ не даетъ возможности болѣе или менѣе полно обнять планъ его развитія, однако и въ томъ, что уже совершилось, нельзя не усмотрѣть поразительнаго водительства Промысла, все направляющаго къ опредѣленной цѣли. Пути Его въ этомъ отношеніи также неисповѣдимы

и нѣкоторыя явленія очевидно составляютъ тайну высшаго домостроительства, въ которую невозможно проникнуть ограниченному человѣческому разуму. Такую тайну напр. представляетъ то явленіе, что огромныя группы народовъ съ высокоразвитой, своеобразной культурой, какъ Китай и Индія, остались въ сторонѣ отъ христіанства, что многіе уже христіанскіе народы были отсѣчены отъ тѣла церкви мечемъ лжепророка, знамя котораго гордо развѣвается тамъ, гдѣ нѣкогда возвышался крестъ, что самъ христіанскій міръ распался на враждебныя между собой общины, взаимнымъ соперничествомъ истощающія свои силы, что сама православная церковь въ значительной своей части несла и несетъ еще иго лжепророка и часто раздирается ересями и расколами, и многія другія подобныя явленія. Все это въ извѣстномъ отношеніи есть тайна домостроительства Божія, и никакой умъ не можетъ проникнуть въ совѣты Промысла, какъ не могъ бы проникнуть онъ въ тайну причины страданій праведнаго Іова, превосходившую всякую возможность логическаго мышленія о ней. Современемъ, когда мы, освобожденные отъ чувственныхъ ограниченій своей природы, станемъ лицемъ къ лицу съ самымъ источникомъ истины, предъ нами конечно во всемъ объемѣ откроются всѣ тайны историческаго домостроительства. Но теперь наше знаніе ограниченно, мы познаемъ даже осязаемые предметы только какъ-бы зерцаломъ гаданія, никогда не имѣя возможности проникнуть до вещи самой въ себѣ; тѣмъ менѣе конечно могутъ быть доступны намъ во всей полнотѣ тайны Промысла въ историческихъ судьбахъ человѣчества. Но даже и при теперешнемъ знаніи мы все-таки при помощи историческаго созерцанія можемъ отчасти понимать цѣлесообразность даже и такихъ явленій, которыя повидимому стоятъ въ прямомъ противорѣчіи съ общимъ планомъ историческаго домостроительства.

Въ нашу задачу не входитъ полное изложеніе этого плана [1]), и для насъ совершенно достаточно будетъ отмѣтить лишь нѣкото-

---

[1]) Популярный опытъ его построенія сдѣланъ проф. Кнейзелемъ въ его небольшой упомянутой уже выше книжкѣ Die Weltgeschichte ein Zufall? Berlin, 1891.

рыя выдающіяся черты его. И прежде всего мы можемъ указать на тотъ самоочевидный фактъ, что новѣйшій христіанскій міръ, какъ болѣе зрѣлый, пользуется въ своей жизнедѣятельности гораздо большею свободою самоопредѣленія, чѣмъ древній избранный народъ, который въ сущности находился подъ игомъ закона, опредѣлявшаго всю его жизнь — до мельчайшихъ подробностей. Это очевидно высшая ступень воспитательнаго процесса. Сообразно съ этою ступенью зрѣлости, воспитываемому предоставляется больше возможности извлекать собственными силами уроки для себя изъ собственныхъ житейскихъ испытаній, такъ какъ это именно воспитаніе глубже захватываетъ все существо человѣка, чѣмъ внѣшнія наставленія и правила. И вотъ вся христіанская исторія есть именно непрерывный рядъ подобныхъ воспитательныхъ испытаній человѣчества, заканчивавшихся обыкновенно глубокимъ и плодотворнымъ урокомъ для него. Такъ, уже съ первыхъ вѣковъ христіанства мы встрѣчаемся съ тѣмъ фактомъ, что, злоупотребляя свободой, массы христіанъ уклонялись отъ истины евангелія и впадали во всевозможныя сектантскія бредни, неизбѣжно сопровождавшіяся крайнею распущенностью и упадкомъ нравственности. Но этотъ печальный опытъ немедленно вызывалъ реакцію, и плодотворнымъ результатомъ его было то, что сущность христіанскаго вѣроученія была точно и подробно опредѣлена на вселенскихъ соборахъ. Когда однако и вселенскіе соборы не въ состояніи были обуздать церковнаго и умозрительнаго своеволія еще не достаточно проникшихся духомъ евангелія народовъ и по всему востоку продолжалось пагубное религіознонравственное броженіе, проявлявшееся во множествѣ возникавшихъ и исчезавшихъ сектъ, которыя дерзко разрывали церковь и злоупотребляли свободой, то оказалась необходимою болѣе сильная мѣра. Для очищенія церкви отъ накопившейся въ ней сектантской и нравственной скверны нуженъ былъ бичъ, который въ лицѣ лжепророка и совершилъ свою очистительную работу. Какъ буря очищаетъ застоявшуюся атмосферу, такъ и исламъ, подобно бурѣ пронесшись по всему востоку, очистилъ христіанскій міръ отъ накопившихся въ немъ міазмовъ, поглотивъ въ себя всѣ негодные для церкви элементы. Вмѣ-

стѣ съ тѣмъ исламъ, представляя собою новую форму подзаконнаго ига, какъ-бы нарочно созданъ былъ для того, чтобы самымъ своимъ существованіемъ представлять глубочайшій контрастъ христіанству, наглядно показывая все преимущество его какъ царства свободы [1]). Понятнымъ съ этой воспитательно-промыслительной точки зрѣнія становится и распаденіе христіанства на враждебныя между собою общины. Происхожденіе различныхъ вѣроисповѣдныхъ формъ съ достаточностью объясняется отчасти неспособностью человѣческаго ума, въ отчужденіи его отъ авторитета вѣры, обнять истину христіанства во всей ея полнотѣ и отчасти злоупотребленіемъ христіанской свободой — въ предпочтеніи національно-культурныхъ интересовъ интересу вселенской истины [2]). Съ этой стороны раздѣленіе христіанства такимъ образомъ есть зло или по меньшей мѣрѣ выраженіе духовной немощи. Но съ высшей точки зрѣнія и оно не лишено глубокаго значенія и есть одинъ изъ существенныхъ элементовъ въ дѣлѣ воспитанія христіанскаго самосознанія. Въ каждомъ изъ главныхъ вѣроисповѣданій выразилась особенно какая либо одна изъ сторонъ христіанства, и вслѣдствіе этого могла получить такое развитіе, какого она не могла бы имѣть при отсутствіи раздѣленія. Въ самомъ дѣлѣ въ римскомъ католицизмѣ съ необычайною силою развилась внѣшняя юридическая сторона христіанства до такой степени, что римская церковь въ періодъ ея высшаго развитія могла чисто внѣшнимъ

---

[1]) Съ этой-же точки зрѣнія не трудно понять и значеніе того факта, что такія старыя страны культурныя, какъ Китай и Индія, остались внѣ христіанства. Въ нихъ христіанскому міру какъ-бы нарочито сохраненъ наглядный примѣръ того духовнаго и вообще культурнаго состоянія, къ которому могъ придти языческій міръ собственными силами и дальше котораго онъ оказался не въ состояніи идти, и это состояніе его по сравненію съ состояніемъ христіанскаго міра лучше всего показываетъ, какое великое значеніе имѣетъ христіанство для человѣчества.

[2]) Подробнѣе объ этомъ см. въ нашихъ публичныхъ чтеніяхъ о «Современномъ западѣ въ религіозно-нравственномъ отношеніи», въ приложеніи къ русскому изданію «Апологія христіанства» Лютардта (СПБ. 1892 г.) стр. 673 и сл.

авторитетомъ сдерживать и подавлять самыя грубыя страсти дикихъ и цивилизованныхъ варваровъ и тѣмъ несомнѣнно оказала громадную услугу новѣйшей культурѣ, единогласно признаваемую историками. Съ другой стороны протестанизмъ, явясь какъ необходимый противовѣсъ чрезмѣрному развитію папства, имѣлъ свое особое воспитательное значеніе. Въ немъ особенно развилась внутренняя умозрительная сторона христіанства, и въ тѣ періоды, когда православный востокъ застылъ въ своей умственной жизни подъ страшнымъ гнетомъ ислама, а римскокатолическій западъ подъ всеподавляющимъ авторитетомъ папства, въ протестантскомъ мірѣ свободно развивалось христіанское умозрѣніе и, хотя оно и уклонялось отъ строгихъ началъ вселенскаго христіанства, однако не смотря на это дало богатѣйшую пищу для духовной христіанской жизни и плодами протестантскаго богословія пользовались и не перестаютъ пользоваться даже православные народы, особенно въ борьбѣ съ римскимъ католицизмомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оба западныя вѣроисповѣданія, представляя собою двѣ крайнія противоположности въ пониманіи христіанства и слѣдовательно двѣ односторонности, по необходимости должны вести постоянную борьбу и изъ этой полемической борьбы логически выясняется односторонность ихъ обоихъ, является необходимость найти для нихъ всеобъемлющій синтезъ, и этимъ синтезомъ для всякаго серьезнаго и безпристрастнаго ума оказывается воззрѣніе, тождественное съ православіемъ, какъ это и сказалось во многихъ новѣйшихъ сочиненіяхъ и даже въ цѣлыхъ движеніяхъ, какъ старокатолическое [1]). Отсюда западныя вѣроисповѣданія, содѣйствуя каждое съ своей стороны развитію христіанскаго самосознанія, составляютъ воспитательныя ступени къ уясненію несравненнаго сокровища вселенскаго православія, для котораго они вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ часто

---

[1]) Въ виду такого значенія протестантизма въ системѣ религіознаго воспитанія христіанскаго міра становится вѣроятнымъ объясненіе повидимому случайной гибели непобѣдимой армады, долженствовавшей подавить протестантскіе народы сѣвера, вмѣшательствомъ высшей воли. Въ сознаніи самихъ протестантовъ это объясненіе не подлежитъ никакому сомнѣнію. Afflavit Deus et dissipavit eos!

возбуждающими жизнедѣятельность мотивами. И не разъ на опытѣ оказывалось, что сами православные тогда только начинали понимать и цѣнить православіе, когда они знакомились съ западными вѣроисповѣданіями и получали возможность для сравненія. Да и въ народахъ православныхъ жизнедѣятельность православной мысли и жизни всегда особенно возвышалась въ тѣ періоды, когда имъ приходилось близко сталкиваться съ народами инославными и защищаться отъ ихъ нападенія съ оружіемъ ли въ рукахъ, или перомъ и чернилами, на поприщѣ духовнаго состязанія.

Въ раздѣленіи христіанскаго міра затѣмъ сказалась еще одна самая важная сторона промыслительнаго воспитанія человѣчества. Хотя весь христіанскій міръ есть міръ избранный, свѣтъ для міра языческаго, однако какъ въ древнемъ избранномъ народѣ были особые избранники, болѣе соотвѣтствовавшіе идеѣ избранія, чѣмъ остальной народъ, для котораго они служили примѣромъ и обличеніемъ, такъ и среди христіанскихъ народовъ самая идея воспитанія требуетъ особаго избранника, который бы служилъ свѣтомъ и воплощеніемъ вселенской истины христіанства во всей ея полнотѣ. Западные народы, хотя и оставаясь въ сущности христіанскими, однако въ значительной степени позволили себѣ увлечься своими земными идеалами, въ жертву которымъ они принесли вселенскую истину. Вслѣдствіе этого они стали больше преуспѣвать въ матеріальной земной культурѣ и образъ Христа для нихъ слишкомъ часто сталъ затѣняться идоломъ національныхъ интересовъ. Самый планъ воспитанія требовалъ выставить противовѣсъ имъ— въ лицѣ народа, который больше всего въ мірѣ цѣнилъ бы Христа, хотя бы это временно и ставило его ниже другихъ народовъ въ успѣхахъ земной культуры. Какой это именно народъ, на это можетъ отвѣтить только исторія. Но конечно, это народъ, который воплощаетъ въ себѣ не одностороннюю, а вселенскую истину христіанства, именно народъ православный. И благо тому народу, который во-время пойметъ свое высшее назначеніе въ исторіи и своею свободною самодѣятельностью будетъ содѣйствовать цѣлямъ своего избранія, а не отрекаться отъ возложеннаго на него высшаго призванія — во имя туманнаго космополитизма.

Настоящій міръ находится въ процессѣ воспитанія, и никто не можетъ сказать, что̀ ожидаетъ его въ будущемъ. Но одно несомнѣнно бросается въ глаза наблюдателю историческихъ судебъ, именно, что если православіе есть свѣтъ христіанскому міру, то носящимъ его народамъ приходилось и приходится болѣе всего испытывать на себѣ жезлъ наказующей любви и правды. Въ самомъ дѣлѣ, православный востокъ съ его народами болѣе всего испыталъ историческихъ невзгодъ, и въ то время, какъ западные народы могли свободно жить и развиваться, православные народы томились подъ тяжкимъ игомъ азіатскихъ варваровъ, всею своею тяжестью обрушившихся на нихъ, какъ на передовыхъ стражей христіанскаго міра. Цѣлые вѣка православная Россія томилась подъ игомъ монгольскимъ, и цѣлые вѣка православная Грецiя изнывала, да еще и теперь въ главной своей части находится подъ игомъ турецкимъ, тяготѣвшимъ и на балканскихъ славянахъ. Никакая человѣческая логика не въ состояніи вполнѣ объяснить себѣ этой тайны промыслительнаго домостроительства во всей ея полнотѣ, и въ этомъ отношеніи пути Божіи неисповѣдимы. Но въ полномъ невѣденіи мы однакоже не оставлены, и уже теперь одинъ край тайны явно приподнятъ исторіей. И тутъ прежде всего открывается великая истина, что Богъ наказуетъ, его же любитъ. Избранники Его всегда подвергаются самымъ тяжкимъ на человѣческій взглядъ испытаніямъ, составляющимъ однакоже благо и для нихъ и для всего міра. Тоже самое сказалось и въ этомъ фактѣ. Православная византійская имперія подверглась тяжкому игу Магомета, водрузившаго полумѣсяцъ на самыхъ величавыхъ храмахъ христіанства и наложившаго тяжелое иго на православные народы на цѣлые вѣка. Это конечно было великое бѣдствіе. Но если всмотрѣться ближе, то оно не лишено было и весьма благихъ результатовъ. Такъ, послѣ завоеванія Константинополя, избѣгая жестокаго ига варваровъ, массы греческихъ православныхъ ученыхъ переселились на западъ и тамъ своею православною ученостью оплодотворили мертвую схоластику латинства и несомнѣнно содѣйствовали тому великому возрожденію наукъ и искусствъ, которое привело къ порыву западнаго міра сбросить съ себя иго

латинства и возстановить болѣе чистое, болѣе близкое къ вселенской истинѣ христіанство. Это было чистое благо для западнаго міра. Но бѣдствіе не лишено было своей доброй, и притомъ глубоко важной стороны и для самого православнаго востока. Подъ тяжелымъ игомъ онъ прекратилъ свое духовное развитіе и тѣмъ съ большею преданностью сталъ хранить ввѣренныя ему сокровища православія. Отчужденный отъ сношенія съ западомъ, онъ остался въ сторонѣ отъ его пагубнаго во многихъ отношеніяхъ вліянія, сдѣлался недоступнымъ для посягательствъ папства, и въ полной неприкосновенности, подобно тому, какъ египетская древность во всей ея неприкосновенности сохранилась въ каменныхъ гробницахъ, сохранилъ древнее православіе до настоящаго времени, когда ему суждено вновь выступить на поприще всемірно-исторической жизни. Вмѣстѣ съ православіемъ сохранили свою историческую жизненность и православные народы грекославянскаго міра, и конечно не случайно то поразительное явленіе, что тѣ изъ славянскихъ народовъ, которые въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ томились подъ тяжкимъ турецкимъ игомъ, теперь опять выступаютъ на поприще всемірно-исторической жизни—свободные и въ политическомъ и духовномъ отношеніи, между тѣмъ какъ ихъ западные братья, не находившіеся подъ этимъ игомъ, теперь находятся и въ политическомъ и духовномъ рабствѣ, во всякомъ случаѣ не имѣютъ ни политической, ни религіозной самостоятельности, будучи поглощены инославнымъ западомъ [1]).

Еще съ большею поразительностью таже сторона промыслительнаго воспитанія выступаетъ въ судьбѣ православнаго русскаго народа. Во многихъ отношеніяхъ это народъ въ полномъ смыслѣ

---

[1]) Этимъ мы хотѣли бы хотя косвенно отвѣтить рецензенту «Вѣстника Европы», который, разсматривая книжку профессора Кнейзеля Die Weltgeschichte ein Zufall? и найдя въ ней объясненіе благой стороны турецкаго ига въ томъ, что подъ его давленіемъ греческіе ученые оказали большое содѣйствіе просвѣщенію запада, иронически замѣчаетъ, что «авторъ забылъ только о судьбѣ народностей, непосредственно подпавшихъ подъ вѣковое турецкое иго» и «что говорить о пользѣ турецкаго владычества для распространенія знаній и культуры на западѣ, въ виду бѣгства ученыхъ грековъ въ другія

многострадальный и жезлъ высшей любви и правды часто каралъ его въ исторіи съ необычайною суровостью. Въ самый разцвѣтъ его юношеской силы, когда все повидимому обѣщало ему великую и свѣтлую будущность, онъ былъ задавленъ и сокрушенъ дикой азіатской ордой, которая наложила на него свое тяжкое иго на цѣлые вѣка. Вопль отчаянія разнесся по всей Русской землѣ и мудрѣйшіе сыны ея терялись въ догадкахъ о тайнѣ неисповѣдимыхъ путей Промысла, да и доселѣ многіе историки не видятъ въ монгольскомъ игѣ ничего, кромѣ великаго зла, продолжающаго сказываться въ нашей жизни и теперь. А между тѣмъ, стоитъ только взглянуть на это бѣдствіе съ другой высшей точки зрѣнія, и все представится въ иномъ свѣтѣ: тяжкое бѣдствіе окажется любящимъ наказаніемъ, принесшимъ чудесно добрые и великіе плоды. Въ самомъ дѣлѣ, монгольское нашествіе застало русскій народъ въ тотъ самый моментъ, когда славянская рознь довела его до наиболѣе пагубнаго политическаго разъединенія, когда княжества истощали другъ друга въ нескончаемыхъ междуусобицахъ и когда начались уже опасныя попытки вмѣшивать иноземцевъ въ свои внутреннія дѣла. Ясно, къ чему могло бы привести это. Инославный западъ не преминулъ бы наложить свою коварную руку на эти обезсиленныя взаимной враждой княжества, и за этимъ неминуемо послѣдовало бы духовное рабство, которому и подверглись западные славяне. Тогда несомнѣнно гораздо лучше было отдать въ рабство свое тѣло, чтобы спасти душу, и въ такое-то вещественное рабство русскій народъ повергнутъ былъ монголами. Конечно тяжки были страданія православнаго русскаго народа и вопль лѣтописцевъ, оплакивавшихъ дымящіяся развалины городовъ и весей, не можетъ не трогать сердца даже въ настоя-

---

страны,—значитъ ужъ быть слишкомъ снисходительнымъ въ оцѣнкѣ кровавыхъ историческихъ катастрофъ» (авг. 1891, стр. 863). Указанный нами въ текстѣ фактъ показываетъ, что сами эти народности получили въ награду за свое историческое испытаніе еще большее благо, чѣмъ западныя страны отъ греческихъ ученыхъ, и только непонятное ослѣпленіе могло закрыть отъ автора рецензіи (Л. С.) этотъ капитальный историческій фактъ.

щее время. И однако изъ этого великаго бѣдствія вышло великое благо. Подъ тяжкимъ испытаніемъ, рознь прекратилась, Русь начала собираться, нашла себѣ устойчивый центръ тяжести въ Москвѣ, и все болѣе и болѣе стягивая къ этому центру свои народныя силы, она выросла въ могучее государство, предъ которымъ въ изумленіи остановились западные народы и затрепеталъ исламъ. Россія теперь стала именно тѣмъ, что она есть, т. е. могущественною хранительницею вселенской правды христіанства, русскій же народъ, являясь въ своей церковной жизни носителемъ вселенской истины, начинаетъ предъ лицемъ міра обнаруживать силу и мощь, возбуждающіе невольное удивленіе изживающагося въ своей односторонности инославнаго запада.

Приведенные примѣры составляютъ немногія страницы изъ великой книги исторіи, раскрывающей предъ нами судьбы народовъ и всего человѣчества. Но и ихъ достаточно для того, чтобы видѣть, что не слѣпыя силы необходимости управляютъ исторіей, которая въ такомъ случаѣ превратилась бы въ мертвый, бездушный механизмъ, безцѣльно воспроизводящій и безпощадно давящій выплывающія на поверхность личности и народы. Нѣтъ, въ ней царствуетъ Промыслъ Божій, который своею правдою и любовію обнимаетъ весь міръ, для котораго дороги не только цари и народы, но и каждый отдѣльный человѣкъ составляетъ предметъ Его любящаго попеченія, такъ что въ собственномъ смыслѣ слова и волосъ съ головы его не падаетъ даромъ. Съ этой точки зрѣнія все человѣчество есть, выражаясь терминомъ бл. Августина—Civitas Dei, градъ Божій, въ которомъ съ чудесною, единственно возможною только при отношеніи личнаго верховнаго Существа къ личнымъ конечнымъ существамъ послѣдовательностію все представляетъ собою цѣпь взаимоограничивающихся цѣлей, сливающихся наконецъ въ общій синтезъ, который есть согласіе воли человѣчества съ волей Бога, есть идеалъ, ставящій для человѣка цѣлію достиженіе совершенства божественнаго, т. е. совершеннаго подобія Богу, по слову самого Христа: „Будьте совершенны какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный“ (Матѳ. V, 48). И къ этой великой цѣли, не смотря

на противорѣчія личной свободы, все направляется съ чудесною послѣдовательностью. Даже то, что на поверхностный взглядъ кажется противорѣчіемъ ей, различныя непредвидѣнныя случайности, бѣдствія войны, язвы или голода, составляющія часто источникъ столькаго горя и слезъ для переживающихъ ихъ лицъ или поколѣній, въ концѣ концовъ служитъ все той же конечной цѣли, представляя собою удары любовно воспитывающаго жезла. Достаточно указать на переживаемое одною изъ нашихъ окраинъ бѣдствіе неурожая, чтобы убѣдиться въ этомъ. Помимо своего чисто экономическаго значенія, оно ясно вывело на свѣтъ Божій всѣ таящіеся въ нашемъ обществѣ добрые и злые элементы, предъ всѣми обнаружило недостатки нашего соціальнаго строя, донынѣ скрывавшіеся подъ прикрытіемъ либеральныхъ фразъ, указало, кто враги и кто друзья нашего народа и конечно вообще дало намъ такой урокъ, который будетъ долго не забытъ нами [1]). Въ этомъ великомъ процессѣ домоистроительства даже явно враждебныя ему силы, сознательно идущія противъ него, въ дѣйствительности работаютъ для той же предопредѣленной Промысломъ цѣли. Проповѣдники невѣрія несознательно для себя укрѣпляютъ вѣру; распространители ересей и расколовъ, направленныхъ къ подрыву церкви, въ дѣйствительности усиливаютъ ее, возбуждая въ ней жизнедѣятельность; даже разбойники, производя разбои и убійства, несознательно служатъ усовершенію общественнаго благоустройства, побуждая принимать мѣры къ огражденію безопасности своихъ гражданъ. Конечно, только неразуміе можетъ вмѣнить имъ это въ заслугу, и въ дѣйствительности они вполнѣ заслуживаютъ извѣстной общественной кары за свою злую волю. Изъ того, что зло часто оказывается содѣйствующимъ добру вовсе не слѣдуетъ еще—что оно по самому существу составляетъ полезный и необходимый моментъ въ историческомъ процессѣ, а слѣдуетъ лишь то, что оно *сдѣлалось* таковымъ вслѣдствіе грѣхопаденія человѣка, самовольно нарушившаго нормальный ходъ своего развитія, и потому въ сущ-

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. въ нашихъ «Размышленіяхъ на праздникъ Рожд. Христова», «Церк. Вѣстникъ» № 51, 1891 года.

ности этотъ фактъ есть лишь поразительное свидѣтельство грѣховности человѣка, сказывающейся во всей его жизни. Подобно тому, какъ въ жизни отдѣльнаго человѣка самые естественные его процессы часто сопровождаются страданіями, и величайшимъ изъ нихъ—самый процессъ рожденія человѣка (въ силу проклятія: „въ болѣзняхъ будешь родить дѣтей"), такъ равнымъ образомъ подобныя же страданія сдѣлались неизбѣжными и въ исторической жизни народовъ и человѣчества, и главные историческіе процессы часто совершаются съ невообразимыми муками, въ которыхъ погибаютъ не только единицы, но часто цѣлые города и государства. Въ силу грѣховности этотъ болѣзненный процессъ сдѣлался неизбѣжнымъ, и отсюда даже самое торжество добра достигается страданіями. Нѣтъ такого побѣдоноснаго войска, которое бы могло одерживать побѣды, не искупая ихъ ужасными страданіями и даже смертью отдѣльныхъ своихъ членовъ; такъ равнымъ образомъ и человѣчество, достигая своего высшаго блага, въ силу той же грѣховности необходимо должно искупать его страданіями и даже гибелью многихъ своихъ членовъ—какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и народовъ. И если не смотря на всѣ эти страданія, всетаки достигается высшая цѣль, которой содѣйствуетъ самое зло, то этотъ фактъ лишь показываетъ, какъ дивно все устроено въ великомъ градѣ Божіемъ, какъ все въ немъ сливается въ одну великую цѣль, которая есть высшее благо человѣчества. Съ этой точки зрѣнія становится наконецъ понятнымъ высшее значеніе тѣхъ блужданій мысли, которыя пережиты были и еще переживаются нашимъ вѣкомъ. Если онъ, злоупотребляя свободой мысли, увлекался всякимъ вѣтромъ ученій, доходившихъ до порицанія всего святаго и великаго, стараясь обосновывать самыя чудовищныя теоріи на данныхъ научнаго и философскаго знанія, то это былъ лишь новый великій опытъ воспитательнаго попущенія для человѣчества, чтобы оно наконецъ убѣдилось, что даже весь научный геній новѣйшаго времени, даже всѣ великія научныя открытія, которыми такъ гордится нашъ вѣкъ, въ сущности никогда не въ состояніи удовлетворить требованій безсмертнаго духа. Рано или поздно, сколько бы ни питали его разными самоизмышленными *измами*, онъ опять возжаждетъ высшей

духовной истины, и этой истины во всей ея полнотѣ не дастъ ему никакая, даже самая геніальная теорія, и поэтому онъ опять съ необходимостью и съ усиленною жаждою и любовію обратится туда, гдѣ истина живетъ въ своемъ немеркнущемъ свѣтѣ. И если этотъ поворотъ замѣчается уже теперь, если эта духовная жажда возгорается въ милліонахъ душъ, дотолѣ находившихся въ рабствѣ бездушныхъ теорій (а это фактъ, не подлежащій больше никакому сомнѣнію), то въ этомъ и будетъ существенная характеристика нашего вѣка. Заключительное слово его будетъ состоять въ томъ, что Христосъ есть единственный источникъ свѣта и истины для міра.

И вотъ въ виду этой дивной гармоніи историческаго процесса съ точки зрѣнія идеи Промысла становится жалкимъ утвержденіе эволюціонизма, который, путаясь въ своихъ противорѣчіяхъ, приходитъ наконецъ къ безотрадному убѣжденію, что въ исторіи нѣтъ никакого плана и не можетъ быть никакихъ историческихъ законовъ, такъ какъ - де все движется куда-то въ неопредѣленную даль подъ давленіемъ какой - то роковой или полусознательной тяги [1]). Нѣтъ, въ исторіи не только есть планъ, а есть даже своего рода божественное художество, развивающееся по особымъ дивнымъ законамъ, слѣды которыхъ мы явственно можемъ видѣть и въ самомъ процессѣ и особенно въ его результатахъ. И поэтому-то правъ бл. Августинъ, который, обозрѣвъ весь историческій процессъ съ высоты своего великаго генія, пришелъ къ убѣжденію, что весь міръ и исторія есть какъ бы „превосходнѣйшій стихъ, украшенный своего рода антитезами“ [2]), или какъ бы картина, на которой свѣтъ и тѣни содѣйствуютъ красотѣ цѣлаго [3]). Правъ поэтому Боссюэтъ, который, заканчивая свое знаменитое разсужденіе о всемірной исторіи, говоритъ, что Богъ свыше содержитъ въ

[1]) По теоріи Спенсера, главнаго представителя эволюціонизма.

[2]) О градѣ Божіемъ XI, 18: tanquam pulcherrimum carmen.

[3]) «Ибо какъ картина съ чернымъ цвѣтомъ, положеннымъ на надлежащемъ мѣстѣ, такъ и совокупность вещей (въ мірѣ и исторіи), если кто сможетъ окинуть ее взоромъ, представляется прекрасною даже съ грѣшниками, хотя безобразіе ихъ, когда они разсматриваются сами по себѣ, дѣлаетъ ихъ гнусными». Тамъ же XI, 23 (въ русск. перев. часть 4, стр. 211).

своихъ рукахъ судьбы царствъ и народовъ. „То, что на нашъ взглядъ можетъ показаться случаемъ, есть опредѣленное намѣреніе, состоявшееся въ высшемъ совѣтѣ, т. е. въ томъ вѣчномъ совѣтѣ, который сводитъ всѣ причины и всѣ слѣдствія въ одинъ и тотъ же порядокъ. И такъ-то все сводится къ одной и той же цѣли, и только по недостатку своего разумѣнія мы можемъ находить случай или неправильность въ частныхъ противорѣчіяхъ“ [1]). Правъ наконецъ знаменитый американскій историкъ Банкрофтъ, который говоритъ: „міровой порядокъ есть божественная поэма, которая развивается отъ вѣчности и которой не могутъ нарушить вмѣшательства людей. Событія развертываются въ немъ по предопредѣленному порядку, въ величественной гармоніи, и подобно тому, какъ искусный артистъ извлекаетъ гармоническіе звуки изъ струнъ своей арфы, такъ и исторія отмѣчаетъ божественные аккорды, звучащіе на великой лирѣ временъ. Но эта гармонія не можетъ быть воспринята въ тотъ самый моментъ, когда совершаются событія. По слѣдамъ событій идетъ философія, чтобы показывать причины и описывать результаты... Событія складываются въ послѣдовательную цѣпь. Люди, системы, народы, все человѣчество— все это повинуется божественной волѣ, и когда завершается часть судебъ человѣчества, мы открываемъ въ нихъ пути Промысла... Да, подъ каждой страницей въ лѣтописяхъ міра можно написать: царствуетъ Богъ. Событія, по мѣрѣ своего совершенія, повѣдываютъ о Его верховномъ планѣ, и когда мы прислушаемся внимательно, то услышимъ, какъ вѣка, удаляясь въ темныя бездны исчезающихъ временъ, своимъ безчисленнымъ хоромъ поютъ хвалебную пѣснь: Te Deum laudamus! Тебе Бога хвалимъ!“ [2]).

---

[1]) Oeuvres de Bossuet, p. 297, t. I, изд. 1858 г.

[2]) Изъ разсужденія Банкрофта, прочитаннаго въ 1856 году въ историческомъ обществѣ въ Нью-Іоркѣ. La libre Recherche, t. II, p. 424. Привед. въ Laurent, La Philosophie de l'histoire, Paris 1880 (2 изд.) стр. 1 и 2.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии

www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки